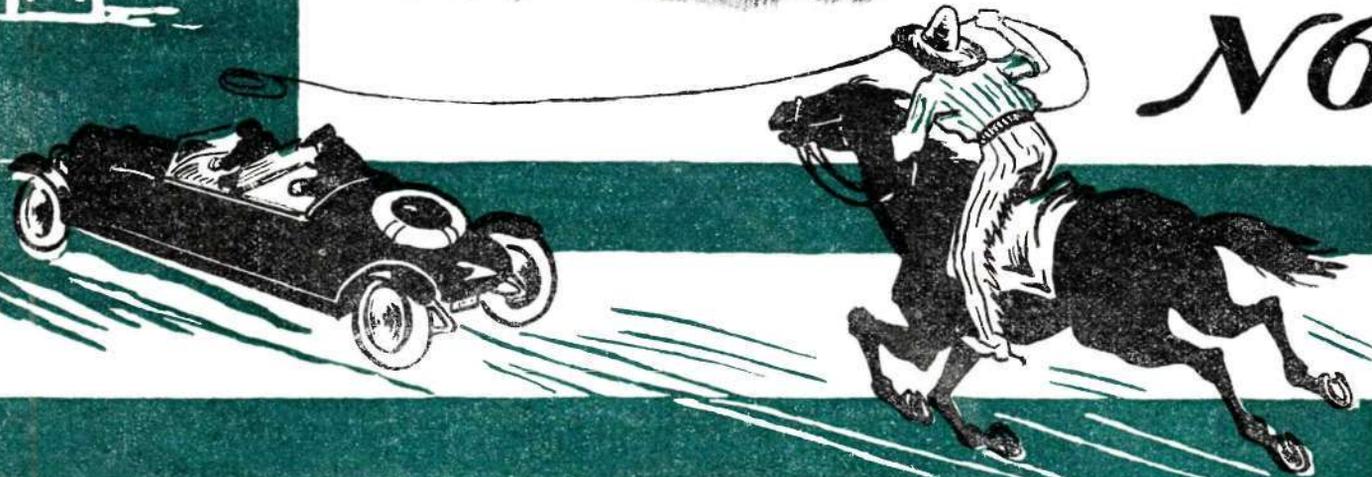
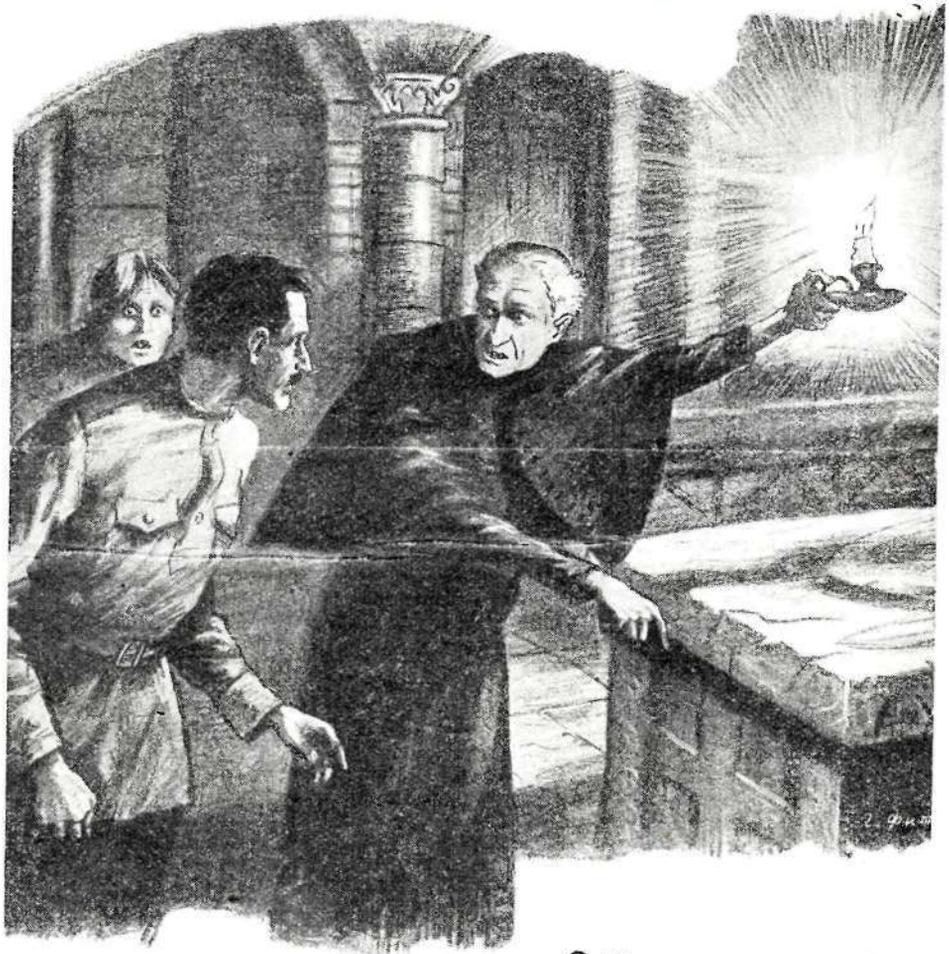

Вокруг Света

№6

Нашим подписчикам!

Контора изд-ва „Красная Газета“ извиняется перед многими подписчиками журнала за опоздание в рассылке первого номера „Вокруг Света“.

Неожиданный по своим размерам тираж журнала заставил печатать № 1 журнала вторым изданием, что задержало высылку его подписавшимся за последнее время.

ПОЛНЫЙ СПРАВОЧНИК ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ

Под общей ред. В. Н. Коронова. Одобрен Лен. Советом Физкультуры. Объем 600 страниц текста. Более 100 рисунков. Легкая атлетика. Шведская гимнастика. Зимний спорт. Водный спорт. Ребятный спорт. Парусный спорт. Французская борьба. Джуджо-дзю-до. Английский бокс. Фехтование. Тяжелая атлетика. Велосипед. Спортивные игры: теннис, хоккей, фут-бол, бейсбол. Цена с пересылкой 2 р. 90 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ
к журналу „ВОКРУГ СВЕТА“
на 1928 год.

„БЫСТРОСЧЕТ“

Искусство производить в уме вычисления с быстротою мысли. Автор франц. проф. Луи Ришар. Цена с пересылкой 1 р. 50 к. Адрес: Москва ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

НОВИНКИ!

Бедонное. Практическая фотография, в 3 частях, 384 стр. 129 рис. 3 р. * Его же. Как получить хороший негатив. 80 к. * Рудь. 2.000 практич. технических рецептов. 3 р. 50 к. * Дедрина. Кулина на плите и примусах. 650 рецептов и вегетариан. блюд. 1 р. 20 к. * Фен-тевлюз. Ветроподъемники для мельниц, водокачек, станиц и электростанц. 178 стр. 2 р. 50 к. * Ивоня. Мои выдолбачивы. 1 р. 25 к. * Янбзон. Овсянка у мужчин и женщин. 2 р. 50 к. * Федоров. Домашний ремесляник. Все ремесла в одной книге: плотн., столярн., токарн., бочарн., пердел., кузнецн., слесарн., паяльн., думьянн., шкелдирн., овчарн., мылов., зерн., ачн., рахильн., зеркн., обузн., говчарн., печн., маллярн., штукатура., наготн., радиопримн. 3 р.

НОВЫЙ АЛЬБОМ РИСУНКОВ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНИЯ

из дерева. Около 250 деталей на 30 листах. Состав художн. Тараканов. 8 р. (с пересылкой 3 р. 50 к.) Цены без пересылки. Высылает наложен. платож.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН А. С. СТЕПАНОВА

ЛЕНИНГРАД, 28, просп. Володарского, 31.

Важнейший усовершенствованный СЧЕТЧИК

Цены - 50 коп. Доступен всем без затрат труда, без составления, дает готовые результаты умножения, деления, вычисления процентов, автоматическая высылка, посылка, заказ в 5 коп. За пересылку и упак. 17 коп., всего 67 коп. (можно марк.). Заказы и деньги направлять: Москва, Почтамт, почтовый ящик 1.083, автору А. И. ЦУНЕРШТЕЙНУ.

1000 Слов немецких

Новейший практический самоучитель немецкого языка. Он внимателен по материалу, легок в усвоении и экономичен по времени: весь курс из 16 выпусков можно пройти в 6 месяцев. Каждый выпуск богат иллюстрирован.

ТРЕБУЙТЕ у всех газетчиков, в книжных магазинах и на вокзалах.

Цена отдельного выпуска 15 коп.

Подписная цена за все 16 выпусков 2 рубля.

Ленинград, Фонтанки, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

ЮДЕНИЧ ПОД ПЕТРОГРАДОМ

(Из близких мемуаров)

Редакция П. В. ЩЕГОЛЕВА — Предисловие Л. КИТАВВА. Объем книги — 268 страниц. — Ц. 1 р. 65 к.

Заказы и деньги направлять по адресу:

Ленинград „2“ Фонтанки, 57. Издательству „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Единственный по своей легкости. Общий цифровой самоучитель для ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ, с новыми приемами, романсами и проч. высылается за 2 р. 85 к. (двухр.) такой же самоуч. с 30 музык. нотами, в том же ц. 2 р. 85 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/17. Книжное дело „Просвещение“.

Издательство „ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК“ Высш. Сов. Физ. Культуры

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 год

8-й год изд. НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 24 №№ в год

„ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК“

Орган Всесоюзной Шахматной Секции Высшего Совета Физической Культуры
выходит 10 и 25 числа каждого месяца

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на 12 месяцев с № 1 5 р. — к. || на 3 месяца 1 р. 35 к.
„ 6 „ 2 „ 80 „ || „ 1 „ „ 50 „

Подписавшимся на год и внесшим полную плату при подписке до 1 марта полностью: 1) бесплатное приложение — „Шахматная книга“ вып. 1928 г. 2) описка на все новые издания „Шахматного Листка“.

Цена отдельного номера № — 30 коп.

ПРОБНЫЕ КОМЕРА И КАТАЛОГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ: Ленинград „2“, Фонтанки, 57, Главная Контора Изд-ва „Красная Газета“. Подписания принимаются: всеми почтово-телеграфными конторами и отделениями СССР, всеми отделениями центральных издательств: „Известий ЦИК СССР“, „Правда“ и „Рабочая Газета“, всеми экспедиц. печатн., всеми удаленоч. и книжн. контрагентства печатн. В Московском отд. „Красной Газеты“ - Москва, Советская площадь, 34. Московские почтамтом, во всех гор. отд. и у письменн. почтн. на дому. В Ленинграде организаторами редакции Газетного Бюро на фабриках, заводах и в учрежд., а также отд. „Красной Газеты“ - Проспект 25 Октября, 68.

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА
Лгр., Фонтанка, 57.
„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.
Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 6

1928 г.
ФЕВРАЛЬ
11

ГОД ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ

Содержание: М. Криккин. „Сиерра Леоне“. — Л. Тучков. „Цель оправдывает средства“. (Окончание). Я. Кокан-Дойль. „Глубина Маракота“. (Окончание). — Террик. „Бомбы и поцелуи“ — Р. Хуплинг. „Очерки Бразилии“. * * * Пять дней под водой и др.

СИЕРРА ЛЕОНЕ

— Во владениях английского короля никогда не заходит солнце, — гордо заявляют патриоты-англичане. Этим выражен ем они хотят показать, насколько обширны владения Англии. Действительно, нет ни одной части света, где бы английские империалисты не распространяли в той или иной форме своего влияния. История Англии это история захватничества чужих владений, история порабощения народов великих и малых. Жажда наживы, жажда золота обратила взоры Британии туда, где живут неискушенные «цивилизацией» цветные народы, туда где можно легко овладеть несметными природными богатствами и дешевой рабочей силой.

Есть еще одна фальшивая и лицемерная поговорка английского происхождения: «Англия самая свободная страна в мире».

Посмотрим, как понимается и проводится в жизнь эта поговорка английскими империалистами в своих бесчисленных колониях, в частности, в одной из них, название которой звучит так романтично и загадочно — «Сиерра-Леоне».

* * *

Недавно в газетах промелькнуло следующее сообщение: «В английской колонии Сиерра-Леоне получили свободу двести тысяч рабов».

Глубокий смысл заложен в этих немногих словах. В 20 столетии, в эпоху радио-телефона, и радио-телеграфа в эпоху высшего расцвета культуры и цивилизации, во владениях «свободной Англии» — рабы... Невольно вспоминается все то, что каждый из нас в детстве читал в приключенческих романах о рабах, закованных в цепи, являю-

щихся полной, неотъемлемой собственностью своих хозяев, о рабах, которых можно продавать и покупать, которых можно бить и убивать, не боясь ни каких наказаний.

Но может быть рабы Сиерра-Леоне, это рабы в современном смысле этого слова? Рабочих в капиталистических странах мы тоже ведь называем рабами капитала...

Нет, речь идет о настоящих рабах в подлинном смысле этого слова. Речь идет о том, что в Сиерра-Леоне, в этом уголке западной Африки, около 230 тысяч негров фактически и юридически являются рабами английских плантаторов, лишены каких бы то ни было гражданских прав и подлежат «законной» купле и продаже. Английские суды жестоко расправляются с неграми, бегущими от своих господ, приговаривая их за это к вечным каторжным работам, как сделал это недавно верховный суд главного города Сиерра-Леоне, Фритоуна.

* * *

На западном берегу Африки между французской Гвинеи и негритянское республикой Либерией расположена английская колония Сиерра-Леоне. («Львиный Хребет»). Откуда произошло это смешанное — наполовину испанское, наполовину итальянское название? Говорят разное. Одни: потому что хребет цепи гор, возвышающихся над главным городом колонии Фритоун, своими очертаниями несколько напоминает фигуру лежащего льва. Другие: потому что португалец Педро-де-Синтра, высадившись на этом берегу в 1467 году, впервые увидел в лесу льва и хотел сохранить в имени этого края память об этой встрече. Третьи: это наименование происходит от того, что громовые удары раздающиеся в горах побережья, когда ветер нагоняет грозовые тучи, напоминает рев целого стада львов. Так или иначе, но «Сиерра-Леоне» называют область в западной Африке, которая обнимает пространство в 71900 квадрат километров, с населением приблизительно в полмиллиона человек. Многочисленные реки, питаемые обильными дождями, текут с внутренней возвышенности и пересекают территорию Сиерра-Леоне. Южная часть страны представляет собой правильный берег с незначительными высту-

пами, над которыми маячит цепь высоких гор, занимающая пространство в 740 квадратных километров.

В Сиерра-Леоне нет времен года, там царит круглое лето.

Но не вздумайте, читатель, поехать туда на курорт, соблазнившись вечным летом!

Климат Сиерра-Леоне самый убийственный на свете и из всей страны столица — наиболее опасное место для жизни. Вследствие обильных дождей, вокруг города образовались невысыхающие болота, из которых поднимаются вредные испарения, атмосфера поэтому сыра и душлива, как воздух в теплице для тропических растений.

Скованы ошейниками.

Приехав туда, европеец восхищается живописной формой гор, великолепием растительности, красотой залива, но вскоре он убеждается, что этот край не напрасно зовется «Могилой белого человека». Желтая лихорадка — постоянная гостья Сиерра-Леоне. Она похищает иногда до половины белого населения. Еще больше страдают от нее чернокожие войска англичан, которые живут там в отвратительных условиях. Достаточно сказать, что на каждые 1.000 человек чернокожего гарнизона в Сиерра-Леоне бывает 740 больных. Умирают не только люди, но и животные.

Как видите Сиерра-Леоне не слишком приятное место для курортной поездки. Но одно дело курорт, а другое — погоня за наживой. Жажда легкого обогащения погнала туда англичан, которые, имея за собой вековой опыт порабощения народов, появились на этой территории, заселенной неграми.

Туземное население Сиерра-Леоне составляют многочисленные негритянские племена. Самое могущественное из них это племя Тимни, которое в свою очередь делится на целый ряд народцев и на столько же королевств, сколько существует деревень. Все эти «королевства» очень часто враждуют между собой. При такой обстановке англичанам не трудно было при помощи подкупа некоторых вождей сделать формально так, что один из победивших вождей «продал» Англии весь Сиерра-Леонский полуостров. Но население не так-то легко примирилось с этим. Прежде чем сделаться фактическими хозяевами Сиерра-Леоне, англичанам пришлось выдержать целый ряд жестоких войн с туземцами. Но «цивилизация» в виде пуль и штыков была на стороне англичан и они победили, превратив подавляющее большинство туземного населения в своих рабов в полном смысле этого слова.

* * *

Как уже было сказано, главная часть населения Сиерра-Леоне это Тимни. Тимни, трудолюбивые земледельцы, хорошо сложены, сильны, ловки, и те из них, которые обитают в глухих местностях, куда еще не проникло деморализующее влияние английской «цивилизации», имеют открытый взор, гордую осанку, мужественную руку. Сейчас большинство из них вынуждено работать не для собственных нужд, а для удовлетворения жадности английских плантаторов. Они снабжают Фритаун имбирем, рисом, кокосовыми орехами и пальмовым маслом.

Читатель, конечно, догадывается, что вслед за английскими завоевателями приходят христианские миссионеры, которые учат туземцев «христианскому смиреннию». Но Тимни «несмотря на энергичную деятельность миссионеров, сохранили большую часть своих языческих обычаев.

У Тимни есть главаря, которые в свою очередь являются вассалами «Короля» или «Королевы». Каждый из этих главарей обязан регулярно приносить королю столько рису, чтобы составила пирамида такой же высоты, как сам вассал. При этом происходят иногда комические сценки. Каждый главарь, подходя к королю с подношением, всячески скрючивается и нагибается, чтобы казаться уже

и ниже и этим самым выгадать экономию, но это не всегда удается. Удары палкой быстро приводят их в нормальный вид.

Чрезвычайно характерно, что среди туземцев, населяющих Сиерра-Леоне, почти не существовало раньше социально-бытового неравенства, но с тех пор, как англичане стали хозяевами страны, режим, ими созданный, резко разделил негров на различные социальные касты.

Вожди племени, жрецы, судьи и вообще все туземцы, так или иначе причастные к правящей верхушке, резко обособлены от остальной массы негров и целиком находятся под влиянием англичан, которые сумели путем целой системы подкупок, протекционизма и грубого насилия сделать весь этот «цвет туземного общества» верным орудием в своих руках.

Влияние англичан на правящую касту настолько велико, что туземные «вожди» стараются во всем походить на «цивилизованных людей» и резко отмежевываются от своих соплеменников, стоящих на более низкой ступени общественной лестницы, чем они. Очень часто эта погоня за «цивилизованным видом» доходит до смешного. Так, например, в Фритауне можно встретить судей племени Эмба или Фанти, которые бреют свои косматые головы только для того, чтобы носить судейский парик по примеру англичан. В этом городе имеется свое «высшее африканское общество», которое во всем пытается копировать лондонские салоны.

Система рабства привела к тому, что вольноотпущенники смотрят с презрением на своих братьев, являющихся рабами.

Подавляющее большинство туземного населения живет в ужасающей бедности, беспощадно эксплуатируется плантаторами и своими «вождями», гибнет от голода и желтой лихорадки и не пользуется никакими правами.

Как же могло случиться, что во владениях «великой Британии», страны, где сотни различных христианских обществ и даже руководители правительства, начиная от лидеров рабочей партии и кончая палатой лордов, всюду и везде кричат о «цивилизации», о «демократии», о «гуманности» — до сих пор 220 тысяч негров были рабами?

Было бы ошибкой представить себе дело таким образом, что англичане открыто признавали рабство в Сиерра-Леоне. Нет, у «демократических» деятелей королевского правительства были прекрасные ширмы. Большинство туземных королюков Сиерра-Леоне считаются формально не-

За прокладкой дороги.

зависимыми от Англии. Независимость эта, конечно, чистейшая фикция, но эта фикция дала возможность английским плантаторам пользоваться трудом рабов, не нарушая «высоких принципов Британии». Формально дело было представлено так, будто бы рабы принадлежат туземным королюкам, а не англичанам.

И только в последнее время, когда и в Сиерра-Леоне заинтересовались широкие общественные круги Англии и Лиги Наций и дело грозило превратиться в открытый скандал, англичане принуждены были провести через законодательное собрание Сиерра-Леоне «свободолюбивый» акт об отмене рабства.

Перед широчайшими массами трудящихся пример Сиерра-Леоне лишней раз обнаруживает истинное лицо «демократии» и «гуманной» колониальной политики королевской Британии.

ЦЕЛЬ Оправдывает СРЕДСТВА

Рассказ П. В. ТУЧКОВА.

Иллюстрации Г. ФИТИНГОФА.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО НОМЕРА.

Офицер польской дефензивы, Лапчинский, знакомится с еврейкой Лией Аш, дочерью своего кредитора. У старика Аша заложником взят поляками сын, Соломон; зная, что Лапчинский отправляется шпионить в СССР, он мечтает об его аресте и затем об обмене пойманного шпиона на своего сына. Чтобы добиться ареста Лапчинского, дается взятка отправляющему шпиона майору Ляховскому.

В одну из следующих встреч с Лапчинским, Лия случайно проговорила, что отец надеется освободить сына в обмен на какого-то Лапчинского. Последний мчится к генералу Монкевичу, ведется следствие и майор Ляховский пускает себе пулю в лоб.

Лапчинский летит на аэроплане, осаживается в глухом углу Черниговщины, садится на поезд и убивает здесь нашего краскома. Захватив все его документы, попадает в штаб нашей армии, но его шпионская работа разоблачается Лией, приехавшей в Советскую Россию. Лапчинский работает заодно с местным ксендзом.

Настольная лампа под зеленым абажуром тускло освещала кабинет ксендза, дальние углы и высокие шкафы с книгами тонули в сумраке и от этого резче выступали в светлом кругу у стола три головы — одна женская с перекинутой на грудь косой и две мужских — лысая ксендза и с прямым пробором Лапчинского. Он писал, ксендз сидел полузакрыв глаза и перебирая четки на руке; девушка заплетала и расплетала конец косы, следя за быстро бегающим пером Лапчинского.

— Вот! — сказал Лапчинский, кончив писать и бросив перо. — Этой записки будет вполне достаточно для генерала, а остальное передадите ему на словах. Записку эту вы вплетите в косу, в случае чего ее не сразу найдут, а потом вы сумеете уничтожить. На этот же случай, вот вам еще кое что! — он подал ей булавку с головкой-шариком. — Этот шарик стеклянный, его легко раздавить зубами и найти почти моментальную смерть. В нашем деле этим нельзя пренебрегать и нужно быть готовым ко всяким ужасам. Ведь наш пароль «Цель оправдывает средства». Теперь, если вы все хорошо поняли и запомнили, вам можно и отправляться, чтобы к утру быть на станции. Надеюсь встретить вас в Варшаве! — и Лапчинский нагнулся к руке бледной девушки.

Сборы были недолги. Переодевшись в крестьянское платье и получив напутствие ксендза, девушка выскользнула из двери и среди наступавшей тишины до слуха ксендза и Лапчинского донесся шорох удаляющихся шагов.

— Ну, теперь, пожалуй можно и килишек водки! — сказал Лапчинский, когда все стихло.

— Зараз, пан, зараз! — засуетился ксендз. — Мою экономку я отправил на вечер к родным, но на ужин кой-что найдется.

Это «кой-что» заняло целый стол.

— Эта вудка, — говорил ксендз, наливая в рюмки янтарную «старку», — помнит еще короля Казимира

— Действительно! — сказал Лапчинский, выпив чарку. — Где вы только храните такую прелесть?!

— Э! пане капитане! Этот домик тоже стар, как костел свентый, а разве мало тайников в костеле, их так там много, что и я всех не знаю. Да будет известно моему дорогому гостю, что дворец...

В это время в дверь постучали, ксендз вздрогнул, Лапчинский отставил рюмку.

— Кто это?

— Возможно, экономка, — вставая, — сказал ксендз, — или возвратился наш курьер. Сейчас посмотрим.

Он вышел и через несколько времени вернулся. На нем не было лица, нижняя челюсть судорожно прыгала, черты как-то заострились, а сам он дрожал, как в лихорадке.

— Посланную арестовали, — пролепетал он и бессильно опустился в кресло.

— Быть не может! — вскопчил Лапчинский. — Когда? Кто видел?

— Вот она! — ткнул пальцем ксендз на вошедшую в комнату женщину.

— Добрый вечер, пан! — поклонилась та. — Я сама не знаю, в чем дело, но, возвращаясь с хутора брата и дойдя до шоссе, я услышала шум шагов, так как лихих людей теперь много. Я притаилась и видела, как солдаты провели мимо девушку с мешком за плечами. Они пошли левадой ко дворцу.

— Да, это она! — сказал упавшим голосом Лапчинский.

— Но откуда? — всплеснул руками ксендз.

— Это неважно, факт тот, что теперь нам нужно скрываться, но куда?

Ксендз молчал, губы его беззвучно шептали молитву.

— Отче! — криво усмехнулся Лапчинский. Молиться теперь некогда: для нас время не деньги, а жизнь. А вам, — обратился он к экономке, лучше возвратиться к брату или куда подальше.

Испуганная, ничего не понимая в происходящем, женщина со слезами на глазах чмокнула руку ксендза и хотела уйти, когда очнувшийся ксендз остановил ее:

— Назад! — хрипло сказал он. — Выход в дверь — это дорога к смерти. А мы еще попробуем спастись! — с этими словами ксендз прошел в кабинет. Там, под ковром был люк в погреб, из которого шел ход в подземелье костела, место погребения владельцев «Кодни». Длинными рядами стояли каменные гробницы с высеченными на них гербами графов Ледоховских.

— Но здесь нас легко найти! — прошептал Лапчинский, оглядывая мрачное подземелье. Вместо ответа ксендз поднял высоко свечку и указав на одну из гробниц сказал: — Ход в подземелье дворца!

Слабый свет свечи не мог осветить огромной комнаты графского кабинета, и стены его, увешанные трофеями охоты и рыцарскими доспехами, тонули в полумраке.

Минин сидел у стола, перед ним лежало письмо Лапчинского к генералу Монкевичу, в котором он удостоверил личность пани Мазовской и доверял ей передать подробности дела на словах. Эту записку нашли в волосах задержанной и... больше ничего, так как опроса ее произвести не удалось: женщина отравилась сильно действующим ядом. Это, конечно, затрудняло

— А из дому никто не выходил?
— Никто! Все кругом оцеплено!
— Чорт знает что! — ругался Минин. — Куда же они делись?

Дом пылал, тушить его ведрами нечего было и думать, чудовищные языки огня рвались к темному небу, и, обрываясь, слали в высь клубы черного дыма и снопы искр. Тоскливо плыл звон набата. К утру от дома осталась куча дымящегося кирпича и обгорелых бревен.

— Ход в подземелье дворца!

расследование, но главное было достигнуто: собранные Лапчинским сведения в Польшу не попали.

— Товарищ Минин! — закричал ворвавшийся в комнату его помощник. — Дом ксендза горит!

Когда Минин выбежал в парк, то из-за темных вершин деревьев уже сыпались искры и поднималось багровое зарево.

— Как дали разгореться пожару? — спрашивал он помощника, поднимаясь к костелу.

— Да, кто же думал? Ставни закрыты, в доме люди! Все было спокойно, только смотрю я, как будто свет во всех комнатах, через щели ставен видать, а тут сразу и дым пошел. Мы в дверь. Пока ее ломали, да еще вторую, уж и войти нельзя, сплошное пламя.

— Прозевали! — укорял Минин помощника. Но тот уверенно говорил, что из дому никто не выходил, и, что обитатели его, или сгорели, или сидят в подземном ходу, и что он их откапает. Но откапывать не пришлось. К полдню поляки подтянув силы, потеснили передовые части, а так как конармия еще не сосредоточилась, приказано было отходить. К вечеру пехота противника была остановлена в трех верстах от Кодни, и снаряды польской артиллерии стали рваться над старым парком, ломая сучья и разбивая черепицу костела.

— Слушай, Минин! — говорил его помощник Глебов. — Завтра срок возврата аэроплана, записка-то Лапчинского у нас, а сам он не то помер, не то сидит где-то, откуда сейчас не высочишь. Кодня же в наших руках. Так я думаю, хорошо бы кому из наших ребят в Варшаву махнуть. Можно такое наскзать там, что папы запутаются.

— Я об этом думал, да трудно это, надо женщину, да с башкой, да чтоб по-польски говорила. И вообще

это штука тонкая, тут не всякий и подходящий пойдет.

— А если беженке предложить? — помолчав спросил Глебов.

— Какой беженке?

— Отца у которой повесили.

— Аш? Да, это ты верно сказал! — задумчиво сказал Минин. — У нее есть все данные для этого поручения. Надо попробовать! Ты, Глебов, вызови ее сюда и поговори. А я только проеду в штаб и обратно.

Помощник Минина, Глебов, был парень простой, чуждый дипломатическим подходам, рубил он, что называется, с плеча.

— Вот, — сказал он, пожимая руку Лии, — есть для вас возможность отплатить полякам за причиненное вам зло. Скажите, можете вы взять на себя исполнение одного поручения, связанного с большим риском, короче говоря, риском жизни.

— Да, если... если — замялась Лия.

— Игра стоит свеч! — подсказал Глебов. — Вполне стоит! — И он вкратце ознакомил ее с делом. — Автор донесения, — говорил он, — еще не скоро доберется до Варшавы, если вообще ему суждено добраться. Так что два-три дня смело в вашем распоряжении. За это время можно успеть информировать генерала по нашим указаниям и скрыться. Ну, решайте! Этим вы двух зайцев убьете: и полякам от нас попадет, и тому типу, что вас за нос водил, не поздоровится: песенка его в дефензиве будет спета.

— Разве он служил в дефензиве? — воскликнула Лия.

— А то как же, — он и Лапчинский — одно лицо.

— Откуда вы знаете?

— Откуда? А карточка ваша — кому вы ее давали?

Только теперь для Лии стала ясна картина предательства.

— Значит... значит, — всплеснула она руками, — отец погиб из-за меня!

Отчаянию девушки не было границ, и Глебову с помощью пришедшего Минина, с большим трудом удалось немного успокоить ее и отправить домой.

— Эх, ты! — говорил Минин Глебову. — Для чего тебе было говорить о карточке: человек и так убит, а он еще добивает!

Чувство симпатии к молодое девушке порождало в душе Минина смутное удовлетворение тем, что поездка, видимо, расстроится и Лия останется здесь. Но надежды его не оправдались: кровь упорных в своем решении Ашей текла в жилах Лии, и она, придя вечером к Минину, просто сказала: «Я принимаю ваше предложение, что нужно мне сделать?».

Всю ночь кипела работа: составлялись тонко продуманные сведения, которые ввели бы в заблуждение польский штаб и скрыли истинные намерения Красной армии. К утру все было закончено, и Лия с Мининим выехала к Хойникам.

Как не заминали скандальное дело майора Ляховского, но оно дошло до ушей власти имущих, и положение генерала Монкевича заколебалось. Вся его надежда была теперь на Лапчинского: вернется он — будут посрамлены враги его, не вернется — надо покидать этот кабинет и считать свою карьеру конченной. Поэтому, естественно, что в ночь возвращения аэроплана генерал не спал, он с нетерпением ждал восхода солнца, которое сулило ему Иену или Седан.

Согласно полученным указаниям, летчик минуя Брест, шел прямо на Варшаву и, когда первые лучи солнца растопили пелену тумана, она уже виднелась

на горизонте, сверкая крестами костелов и краснея пятнами черепичных крыш окраин. Панорама росла, ширилась, можно было уже различить знакомые очертания Лазенок, Повонзок. А вот и аэродром, с квадратиками ангар. Мотор смолк и аэроплан круто пошел на посадку. У Лии закружилась голова, и захватило дыхание, а когда она очнулась, то увидела улыбающегося летчика, группу военных, с удивленными лицами, и несущийся к аэроплану автомобиль. Она была среди врагов.

Монкевич, ожидавший увидеть Лапчинского, был поражен, когда к нему вошла девушка, при виде которой он непроизвольным жестом закрутил усы. Лия подала генералу записку Лапчинского и опустилась на услужливо придвинутый генералом стул.

— Так! — сказал генерал, пробежав записку. — Все значит обстоит великолепно. Настолько хорошо, что капитан остался гостить у красных. Отлично! Что было вам поручено передать на словах?

Лия бойко, как хорошо выученный урок, рассказала о настроении, численности и перегруппировках врага. Монкевич делал заметки и довольным жестом крутил усы.

— Теперь нам открыты глаза! — сказал он по окончании доклада. Становится понятным и то затишье на фронте, которое наблюдается сейчас.

— Благодарю вас! — пожал генерал руку Лии. — Где вы останетесь? И есть ли у вас родственники в Варшаве?

— Нет, у меня никого нет...

— Тогда я сейчас прикажу устроить вас.

Генерал позвонил и отдал распоряжение вошедшему офицеру проводить Лию в отель Бристоль и озаботиться об устройстве ее там.

— Вы заслужили большего, сударыня! — поклонился Монкевич Лии. — Но мы ничего вам не можем предложить лучшего. Располагайтесь. Отдыхайте! Деньги на ваши расходы вам будут присланы сегодня же.

Генерал проводил Лию до двери и выпустил ее.

— Ну-с, теперь поборемся! Посмотрим — кто кого? — прошелся он по комнате, потирая руки. — Исход кампании зависит от моих сведений! — Но тут какая-то мысль пришла ему в голову. Он остановился, озабоченно закусив кончик уса. Потом махнул рукой, и, собрав бумаги, поехал с докладом. На подъезде он столкнулся с заведующим агентурой, и, отведя его в сторону, — приказал установить бдительное наблюдение за приезжей девушкой. — «Так будет спокойнее!» — думал Монкевич, поднимаясь по широкой лестнице главного штаба и кивая на почтительные поклоны встречных офицеров.

Через сутки польская фронтовая разведка подтвердила отход красных на киевском направлении, что совпадало с донесением Лапчинского о намерениях противника. Теперь польский штаб должен был решать: действовать ли ему по старым планам или делать перегруппировки, основываясь на сведениях дефензивы. Появление красной кавалерии у Летичева положило конец колебаниям командования и приказ о перемещении частей был отдан. В яму, которую рыла дефензива для красных, попали сами поляки.

Четыре долгих дня просидел Лапчинский в обществе ксендза и его экономки в мрачных катакомбах графов Ледоховских. Когда были свечи, было еще терпимо, но когда они кончились, и густой мрак окутал узников, стало невыносимо: затхлый сырой воздух затруднял дыхание, кровь прилиwała к голове, в ушах шумело. Отсыревшая одежда отнимала послед-

нее тепло, которое оставалось в теле. Но хуже всего это — мрак. Глаза искали хоть какой-нибудь проблеск света. — Ничего! Тьма! И Лапчинскому казалось, что он ослеп, что он никогда не увидит света, и ему стоило больших усилий удержать себя от безумного желания выскочить вон из этого подземелья — туда, на свет, не считаясь с последствиями этого поступка. Его товарищи по несчастью были спокойнее. Ксендз шептал молитвы, а экономка плакала и вздыхала. На пятые сутки терпение узников истощилось и экономка отправилась на разведку. Лапчинский и ксендз ждали ее возвращения в погребке, сумрак которого для них казался ярким, и глаза с жадной зрительного ощущения перебегали с предмета на предмет. Возвратившаяся экономка сообщила, что Кодня свободна, нет ни красных, ни поляков, которые, по сведениям крестьян, стоят в Мозичи, куда и решено было ехать. С каким ~~настижением~~ растяннулся Лапчинский на траве, вдыхая полной грудью свежий воздух и жмурясь от яркого света солнца. — «К чорту карьеру!» — думал он. — Вернусь и довольно. Больше я не хожу». — Ксендз с трудом достал дроги в одну лошадь, и, распрощавшись с экономкой, поехал с Лапчинским на Мизоч.

Проселок, по которому пришлось ехать, тянулся песчаной местности, колеса чуть не по ступицу уходили в песок и лошадь еле тянула дроги. Медленность движения волновала ездоков. — «Этак никогда не доедем, — говорил Лапчинский, — или приедем, когда наши из Мизочи уйдут и попадем в лапы красных...» — Ксендз в черной сутане и плоской круглой шляпе, молча шагала, зорко оглядывая окрестность. Одной рукой он держал за грядку телеги, другой приподнимал край сутаны. «Вот переправимся через речку — поедем шляхом», — утешал возница, нахлестывая лошадь. По шляхам ехать не пришлось. Когда телега стала спускаться к речушке, из-за леска выехали несколько конных и поскакали на-перерез Лапчинскому; достаточно было бросить один взгляд, чтобы узнать красных. Как всегда, он был быстр в решении; скатившись с телеги, Лапчинский в один момент отстегнул постромки, стащил дышловою шлейку, и вскочив на коня, погнал его карьером к реке. Когда очнулись возница и ксендз, то он уже в пене и брызгах выносился на другой берег и, мелькнув на косогоре, пропал в сосняке, предоставив ксендзу одному объясняться с красными. «Цель важнее всего» — успокаивал свою совесть Лапчинский, наколачивая каблучками костлявые бока лошади.

Предположение Лапчинского о возможном уходе поляков из Мизоча было пророческим. Когда он влетел туда, последняя рота легионеров покидала селение, в виду прорыва красной кавалерии в глубокий тыл.

— Ничего не понимаю! — говорил толстенький майор на вопросы Лапчинского. — Отнимают куда-то резервы, и сами облегчают работу противника. Какое-то формальное предательство!

В тот же день, по опросе в корпусной дефензиве, Лапчинский выехал из Ровны в Варшаву. По мере удаления от фронта, все пережитое теряло свою остроту и не казалось таким ужасным. «Будет, что порассказать», — думал Лапчинский, лежа с папирской в руке и пуская струйки дыма. — «Жаль ксендза, но все равно вдвоем бы не уйти, а против него ничего конкретного нет. Посидит и отпустят». А волны табачного дыма, клубясь и растилась, стали принимать какие-то неясные очертания, формы, и вот из сизого тумана выплыло женское личико в рамке кудрей. «Лия! — усмехнулся Лапчинский, — Что-ж,

вполне заслуженная награда». И в приятных мечтах о будущем, он заснул.

Варшава встретила его погожим днем и воплями «лобузов»: «Курьер Поранный». Прорыв красной кавалерии. Угроза Варшаве. — Что за чорт! — думал Лапчинский, покупая и пробегая сводку. Он проехал на квартиру, переоделся и отправился в штаб. Там творилось нечто несуразное, чувствовалось, что события настолько серьезны, что правительство растерялось. Люди, еще вчера с олимпийским величием проходившие через канцелярии, сегодня, бледные, с бегающими глазами, торопливо пробегали по лестницам и растерянно разводили руками на вопросы. Пошатнулась «Речь Посполита», а вместе с тем и власть ясновельможных панов. Забегали, засуетились они, как мыши на тонущем корабле, с воем носились по улице автомобили и беспрерывно шли совещания в иностранных миссиях.

Не весело встретил Монкевич вошедшего Лапчинского.

— Что это — предательство? — остановился он перед ним, не подавая руки. — Я говорю о ваших сведениях, присланных с женщиной! — пояснил он на недоумевающий взгляд Лапчинского.

— Какой женщиной? Я никого не посылал!

— А это ваша рука? — протянул ему Монкевич записку. — Возьмите начальные буквы пятых слов. Что выйдет? «Цель оправдывает средства». Чей это пароль?

Лапчинский дико смотрел на свою записку и совсем не слушал, что говорил генерал. Он был сражен, он отказывался что-либо понимать. Каким образом эта записка попала сюда. Целый ураган догадок завертелся в его мозгу.

— Я жду, отвечайте! — закричал Монкевич. Лапчинский очнулся и, отерев выступивший на лбу пот, хрипло сказал:

— Записка моя, но женщина, передавшая вам ее — не Мазовская. Та арестована почти на моих глазах в Кодне! — И он глухим голосом, поминутно останавливаясь и собираясь с мыслями, изложил ход событий и свои предположения о замене курьера.

— Это не меняет дела! — стукнул кулаком по столу Монкевич. — По собственной инициативе вы остались у красных, вы и несете ответственность за последствия своего поступка, которым вы погубили себя и подвели меня. Считайте себя с этой минуты арестованным! — и он направился к двери.

— А женщина! Где она? — вскочил Лапчинский.

— Она никуда не уйдет! За ней следят и вы ее увидите при очной ставке..

Эта очная ставка состоялась совсем не в той обстановке, на которую рассчитывал Монкевич. По дороге на гауптвахту Лапчинскому было разрешено, в сопровождении жандарма, заехать к себе на квартиру, чтобы переодеться и захватить кое-какие вещи. С горьким чувством поднимался Лапчинский по знакомой лестнице. Встреченный приветствиями и улыбками своей хозяйки, он прошел в занимаемые им комнаты, где снял мундир, кинул его с презрительной улыбкой на кровать и стал собирать вещи под бдительным оком жандарма. В это время раздался звонок, и вошедшая хозяйка сказала, что его желает видеть какая-то барышня:

— Барышня? — удивился Лапчинский, так как его квартиру никто не посещал.

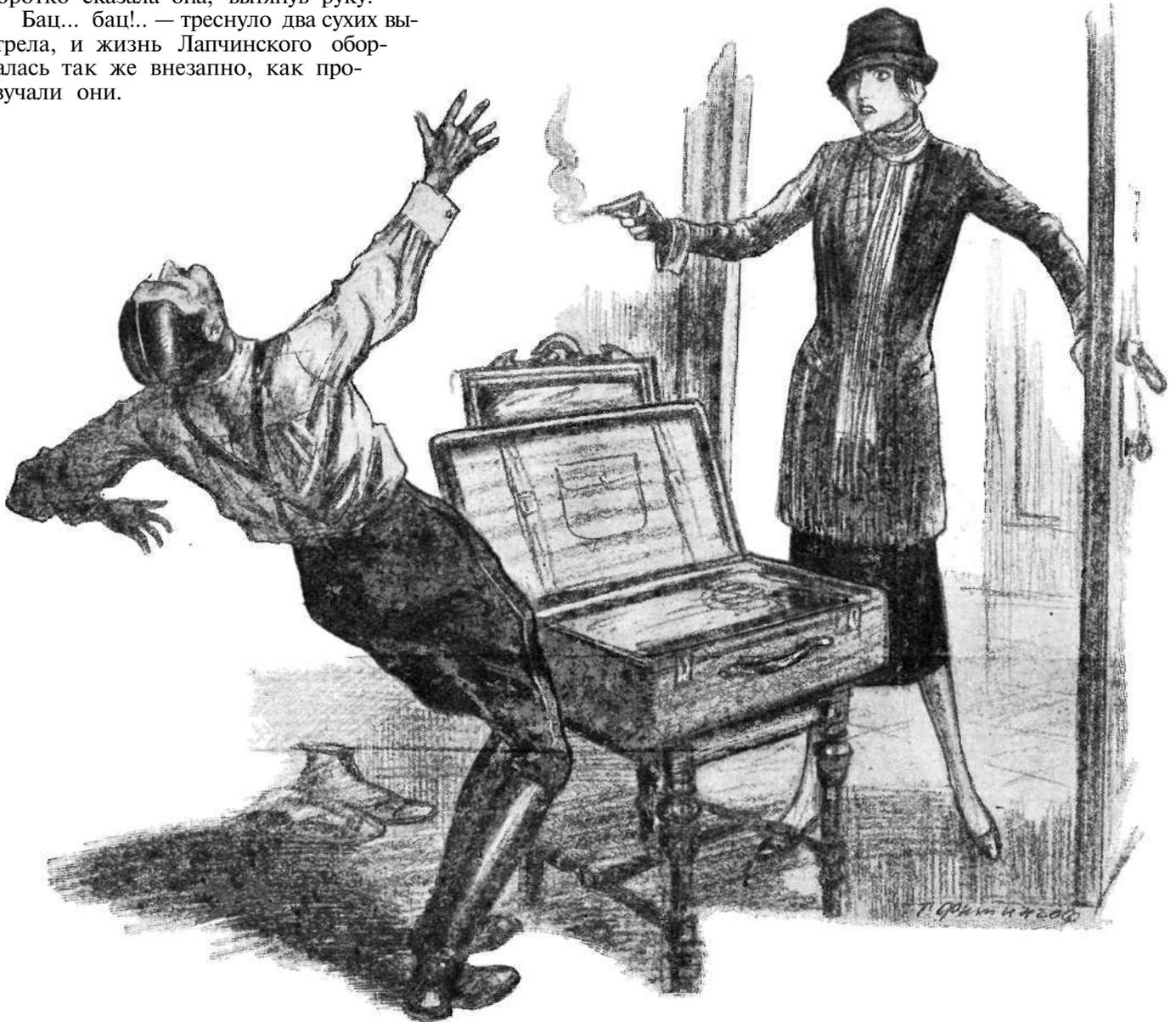
— Не могу разрешить! — сказал жандарм на просительный взгляд Лапчинского, но в это время дверь распахнулась и... Лапчинский замер: на пороге

стояла Лия. Страшен и решителен был взгляд ее синих очей.

— Я бы не стала беспокоить вас своим визитом, пан Рублевский, — усмехнулась она, — но я и есть та женщина, которая испортила вам игру. Это вы бы узнали и на допросе, но тогда я лишена была бы возможности сделать то, что я сделаю сейчас. За отца! — коротко сказала она, вытянув руку.

Бац... бац!.. — треснуло два сухих выстрела, и жизнь Лапчинского оборвалась так же внезапно, как прозвучали они.

Выстрелив в пытавшего ее задержать жандарма, Лия выбежала на двор, бросила револьвер и ничего не сознавая, как автомат, вышла на улицу* и спокойно пошла по ней. Ею овладела какая-то апатия, нервное напряжение последних дней сменил полный упадок сил. Она машинально шла из улицы в улицу, без цели, без мысли. Инстинкт вел ее туда, где прошло её детство.

За отца! — коротко сказала она, вытянув руку.

Шпик, карауливший Лию у подъезда, при первом выстреле кинулся вверх по лестнице, услыша по дороге еще два. Когда он добежал до двери квартиры, оттуда выскочила обезумевшая хозяйка, лепеча что-то несуразное. Агент, с револьвером на-готове, стал осторожно пробираться по коридору к открытой двери одной из комнат. Боязливо заглянув туда, он увидел убитого Лапчинского и сидящего на полу у окна раненого жандарма. Преступница скрылась.

Уж был вечер, когда она очнулась перед древней дверью, ручка которой была стерта от времени. Подняв голову, Лия узнала знакомый фронтон родного дома и, опустившись на порог его, она зарыдала.

А с востока надвигалась гроза, глухо рокотал гром далекой канонады, плескалась зарница орудийных выстрелов и, прорвав все преграды и плотины, в багряной пене алых знамен катился страшный железный поток.

ГЛУБИНА МАРАКОТА ЗАТЕРЯННЫЙ ПОД ОКЕАНОМ МИР

Новый научно-фантастический роман А. Конан-Дойля *Перевод
К. Ксаиной.*

Содержание предыдущих глав.

Профессор Маракот, организовав экспедицию для изучения жизни морских глубин и с двумя помощниками — ассистентами Оксфордского университета, Сирусом Хэдлей, и механиком Биллем Скэнлан — отплыл из Англии. Вскоре после этого, в письме, написанном с Канарских островов, Хэдлей описал, как профессор Маракот объявил, что на борту находится стальная камера, в которой их опустят на дно океана. За этим письмом последовал почти год молчания, как вдруг, необычайным образом, были получены новости о профессоре Маракоте. Капитан одного парохода сообщил о находке плававшего в воде серебристого шара, в котором заключалось дальнейшее известие от Хэдлея. В нем говорилось, что камера с ее тремя обитателями успешно спускалась уже над краем Глубины Маракота, как вдруг гигантское морское чудовище разорвало цепь, и камера погрузилась в зияющую бездну. Повествование Хэдлея сообщало дальше, как были изумлены профессор Маракот и его спутники, найдя на дне океана подводную расу людей, спасших их из камеры при помощи прозрачных одежд, в которых можно было свободно дышать. Хэдлей описывал, как с помощью удивительного прибора для передачи мыслей, участники приключения смогли рассказать обитателям dna океана о постигшей их катастрофе. Они сумели также с грехом пополам объяснить по-гречески с одним жрецом, очевидно, принадлежащим к расе, которая произошла от древних греков и была взята некогда в плен атлантидами. Однажды Скэнлан принес известие, что один из атлантидов обнаружил нечто на дне океана. Все кинулись к месту происшествия.

V

Выбежав из комнаты, мы обнаружили, что наши друзья, возбужденно жестикулируя, спешат по коридору. Примкнув к ним, мы скоро влились в толпу, которая устремилась вдоль морского dna, предводительствуемая возбужденным вестником. Они передвигались с такой быстротой, что нам было нелегко поспевать за ними. Но они захватили с собой свои электрические фонари, и мы, несмотря на то, что отставали от них, все же могли следовать за лучами их света. Дорога лежала, как и прежде, вдоль базальтовых скал, пока мы не добрались до такого места, где ряд ступеней, выбитых долгим употреблением, вел к вершине. Возбравшись по ним, мы очутились в обрывистой местности с многочисленными острыми зубцами утесов и глубокими расщелинами, которые затрудняли наше продвижение. Выбравшись из этого хаоса древней лавы, мы попали в круглую равнину, блестящую флуоресцирующим светом. Там, в самой середине, лежал какой-то предмет, при виде которого у меня перехватило дыхание. Взглянув на моих сотоварищей, я прочел по изумленному выражению их лиц, что они всецело разделяют мое волнение.

Наполовину погребенный в тине, лежал большой пароход. Он накренился на бок; дымовая труба сломалась и свисала под каким-то странным углом, а бизань-мачта была снесена. Но в остальном судно было невредимо, и такое чистое и свежее, словно оно только-что вышло из дока. Мы поспешили к нему и очутились под кормой. Можете себе представить, что мы почувствовали, когда прочли название: «Страдфорд». Лондон. — Наш корабль последовал за нами в Глубину Маракота!

Разумеется, когда прошел первый момент потрясения, это происшествие не показалось нам столь непонятным. Мы вспомнили падающий барометр, убранные, по приказанию опытного норвежского шкипера, паруса и странную черную тучу над горизонтом. Очевидно, на «Страдфорд» налетел внезапный циклон феноменальной силы. Ясно было, что весь его экипаж погиб, потому что большинство шлюпок висело разбитыми у бортов, да какая шлюпка могла бы вынести такой ураган? Трагедия, несомненно, произошла спустя час или два после нашей собственной катастрофы. Может быть тот зондирующий лот, который мы видели, поднимали вверх как раз перед тем, как налетел шквал. Было странно и жутко, что мы все еще находились в живых, в то время, как те, которые оплакивали нашу гибель, погибли сами. Мы не имели возможности установить до того, как его обнаружили атлантиды, плавало ли судно в верхних слоях океана или же оно пролежало некоторое время там, где мы его нашли.

Бедный Хови, капитан судна, или вернее то, что от него осталось, все еще был на своем посту на мостике, крепко обхватив своими окоченевшими руками решетку. Его тело и тела трех кочегаров в машинном отделении были единственные, которые спустились на дно вместе с судном. Под нашим руководством их всех сняли и погребли под илом, положив на могилу венок из морских цветов. Сообщаю эту подробность в надежде, что она послужит некоторым утешением м-с Хови в ее потере. Имена кочегаров нам были неизвестны.

Пока мы отдавали этот долг, маленькие человечки облепили роem все судно. Взглянув кверху, мы увидели их повсюду, словно мышей на сыре. Судя по их волнению и любопытству, нам стало ясно, что это было первое современное судно, возможно даже первый пароход, когда-либо попавший к ним вниз. Позже мы обнаружили, что кислородный аппарат внутри их стеклянных колоколов не позволяет им удалиться от заряжающей станции дальше, чем на несколько часов и, таким образом, поле их деятельности на дне моря ограничено соответствующим числом миль от их центральной базы. Они тотчас же принялись за работу, разламывая потерпевшее крушение судно и снимая с него все, что могло бы пригодиться. Очень длительный процесс, не вполне законченный и до сих пор. Мы также были рады пробраться в наши каюты и достать многие из тех принадлежностей одежды и книг, которые не были безнадежно испорчены.

Среди других вещей, спасенных нами со «Страдфорда» оказался судовая журнал, в который капитан до последнего дня вносил свои записи и даже уже ввиду нашей катастрофы. Как странно было, что мы читали его пометки, а он был мертв. Запись последнего дня гласила следующее:

«3-го октября. Три мужественных, но отчаянных искателя приключений сегодня, против моей воли и моего совета, опустили в своем аппарате на дно океана и несчастье, которое я предвидел, случилось. Упокой, господа, их души! Они отправились вниз в одиннадцать утра. Я несколько сомневался, разрешить ли им это, так как надвигался шквал. И напрасно я не поступил согласно моему побуждению, хотя это только бы отсрочило неизбежную трагедию. Убежденный, что их мне больше не увидеть, я пожелал каждому из них счастливого пути. Некоторое время все шло хорошо, и в одиннадцать сорок пять они достигли глубины тысячи восьмисот футов, где нашли дно. Профессор Маракот передал мне несколько сообщений и все, казалось, обстояло благополучно, как вдруг я услышал тревогу в его голосе и проволочный канат сильно заколебался. Мгновением позже он оборвался. Очевидно, они находились в это время над глубокой бездной, так как по просьбе профессора судно очень медленно двинулось вперед. Трубки для подачи воздуха продолжали разматываться приблизительно еще с полумиллю, а потом они тоже оборвались. Это — последнее, что мы когда-либо можем надеяться услышать о профессоре Маракоте, м-ре Хэдлее или м-ре Скэнлане.

Однако, следует отметить одну крайне необычайную вещь, все значение которой у меня не было времени взвесить, потому что в связи с этой надвигающейся непогодой многое меня отвлекает. Тогда же было сделано глубоководное зондирование и мы отметили глубину в двадцать шесть тысяч шестьсот футов. Груз, конечно, остался на дне, но едва лишь втянув проволоку, как ни вероятно это покажется, мы обнаружили над фарфоровой чашкой носовой платок м-ра Хэдлея, с его меткой. Вся судовая команда удивлена и никто не может предположить, как могла случиться такая вещь. Возможно, что в моей следущей записи, я смогу еще что-нибудь сказать на этот счет. В надежде, что что-нибудь появится на поверхности, мы прождали еще несколько часов и втащили кверху канат. Конец его оказался зазубренным. Теперь я должен позаботиться о судне, так как я никогда не видал худшего неба. Барометр на 28.5 и быстро падает».

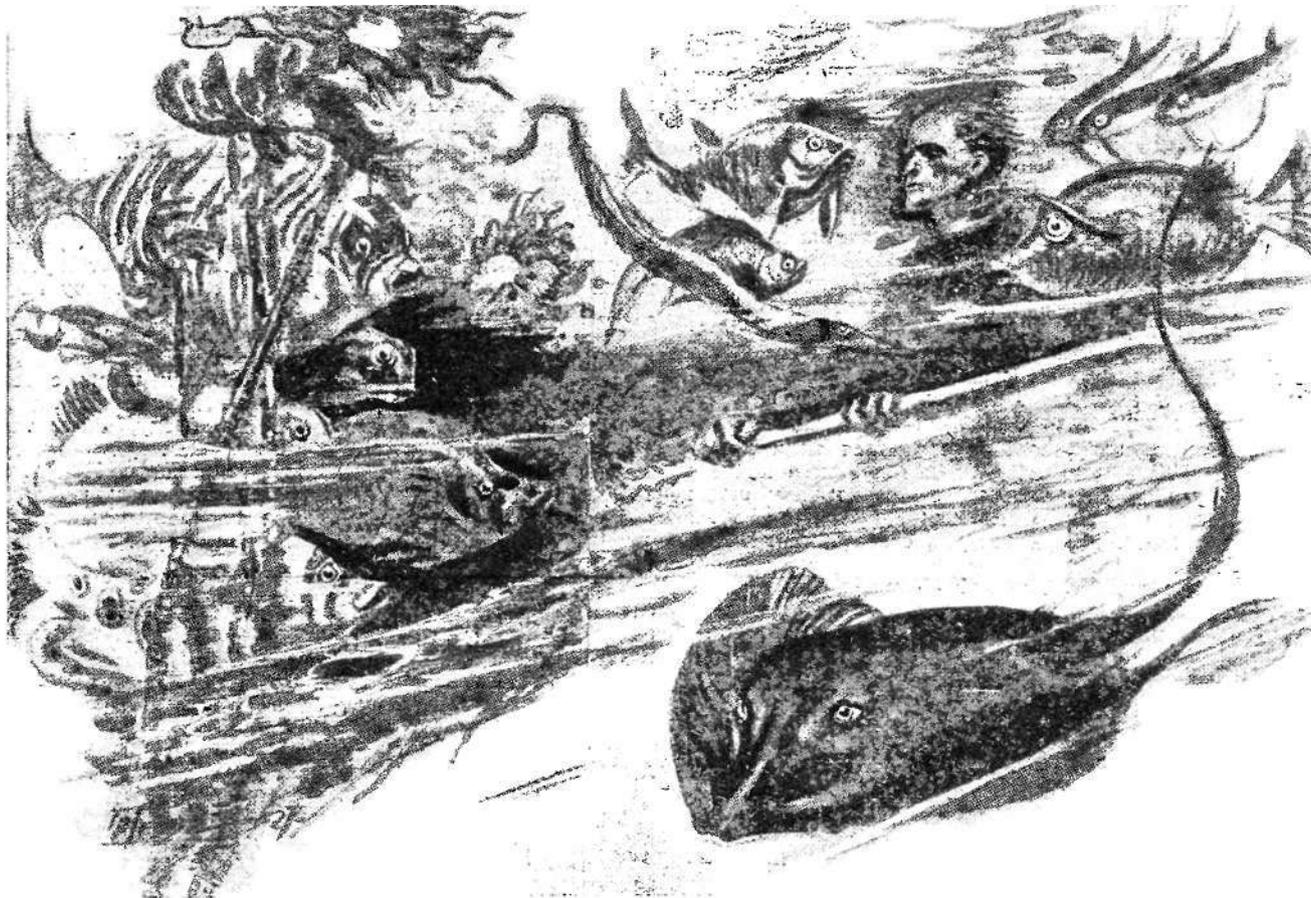
Вот каким образом мы получили последнее известие о наших недавних спутниках. Очевидно, на «Страдфорд» обрушился ужасающий циклон и сразу же его уничтожил.

Мы оставались около разбитого судна, пока некоторая духота внутри наших стеклянных колоколов и ощущение все увеличивающейся тяжести в груди не предостерегли

нас, что наступил крайний срок для возвращения. И вот тут-то, на возвратном пути домой, случилось приключение, раскрывшее перед нами те внезапные опасности, которым подвергается этот подводный народ. Этим и объясняется, наверно, почему численность этих людей современем не сделалась больше того, чем она есть в действительности. Включая греческих рабов, мы определяем их число самое большее в четыре или пять тысяч. Мы спустились по лестнице и прокладывали себе путь вдоль края зарослей, окаймляющих базальтовые скалы, как вдруг Мэнда взволнованно указал вверх и яростно стал подавать знаки одному из нашей компании, который находился в некотором расстоянии от нас, на открытом месте. В то же время сам Мэнда и все вокруг него отбежали в сторону каких-то высоких утесов, и потащили нас за собою. Только очутившись под защитой, мы увидели причину тревоги. На некотором расстоянии над нами, быстро спу-

клянный колокол атланта и он утонул. Тот день, когда мы понесли его тело обратно в убежище, был днем траура, но также и днем нашего триумфа, потому что наша быстрая активность усилила уважение к нам наших соотарищей. Что же касается странной рыбы, то профессор Маракот удостоверил, что это был вид хорошо известной ихтиологам рыбы-одеяло.

Я говорю об этой твари потому, что она явилась причиной трагедии, но я мог бы написать целую книгу (возможно, я это и сделаю) про удивительную жизнь, которую мы здесь видели. Доминирующие краски в глубоководной жизни — красная и черная; растительность же — самого бледного оливкового оттенка, и с такими гибкими волокнами, что наши траллы очень редко вытаскивают ее сверху. Поэтому наука пришла к убеждению, что дно океана голое. Многие из морских форм на редкость красивы, а другие как причудливы в своем безобразии, что

Капитан судна, все еще был на своем посту на мостике.

скаясь, виднелась огромная рыба самой странной причудливой формы. Слово большая плавающая перина, мягкая и вздувающаяся с белой подкладкой и длинной красной бахромой, выбрации которой проталкивали ее сквозь воду. Казалось, что у нее нет ни рта, ни глаз, но она скоро проявила свое ужасающее проворство. Наш спутник, находившийся на открытом месте, побежал к тому же убежищу, где мы укрылись, но было уже поздно. Я видел, как его лицо исказилось от ужаса, когда он понял свою участь. Гнусное создание спустилось на него, окутало его со всех сторон и налегло на него, пульсируя ужасающим образом, словно швыряя его тело о коралловые рифы и размалывая его на куски. Трагедия разыгралась в нескольких ярдах от нас, однако, наши спутники были так подавлены ее внезапностью, что, казалось, лишились всякой способности действовать. Тогда Скэнлан бросился наружу и вскочив на широкую спину твари, исполосованную красными и коричневыми отметинами, вонзил острый конец своей металлической палки в ее мягкие ткани.

Я последовал примеру Скэнлана, а в заключение и Маракот и все остальные атаковали чудовище. Оно медленно соскользнуло, оставляя позади себя след маслянистых и клейких выделений. Тем не менее, наша помощь подошла слишком поздно: нажим огромной рыбы сломал сте-

похожи на бредовые видения, и так опасны, что ни одно земное животное не может соперничать с ними в этом отношении. Я видел черную меч-рыбу, длиной в тридцать футов, с ужасным клыком над хвостом, один удар которого мог бы убить всякое живое существо. Я также видел походящую на лягушку тварь с сверлящими зелеными глазами, которая представляет собой один разинутый рот с огромным желудком позади него. Встретиться с нею — верная смерть, разве только найдется электрический фонарь, чтобы отпугнуть ее. Я видел слепого красного угря, который лежит между скалами и убивает своим ядом, а также видел один из ужасов глубины — гигантского морского скорпиона и рыбу-фурию, которая прячется среди морских зарослей.

Однажды, мне привелось также увидеть настоящую морскую змею, — создание редко предстающее человеческому глазу, так как оно живет в самых крайних глубинах и видно на поверхности только, когда жестокая конвульсия его выгоняет из его убежища. Две из них проплыли или, вернее сказать, проскользнули однажды мимо нас, пока Мона и я прятались от них среди зарослей ламелларий. Они были громадные — около десяти футов в высоту и двести футов в длину, сверху черные, а снизу серебристо-белые, с высоким гребнем на спине и маленькими, не больше, чем у быка, глазами.

Сообщение о них, а также и о многих подобных вещах, можно будет найти в рукописи профессора Маракота, если ей суждено будет попасть в ваши руки.

Проходила одна неделя за другой нашей новой жизни, которая стала очень приятной. Понемногу мы достаточно усвоили этот давно забытый на земле язык и могли немного разговаривать с нашими сотоварищами. В Убежище нашлось бесконечно много тем, как для изучения, так и для нашего развлечения, а Маракот уже успел настолько овладеть древней химией, что по его заявлению, он может революционировать все мировые идеи, если только он сумеет передать на землю свои познания. Среди прочих вещей, здешние обитатели научились раздроблять атом и хотя, освобождаемая при этом сила меньше, чем предполагали наши ученые, она все же достаточна, чтобы снабжать их большим запасом энергии. Они ушли далеко вперед нас в познании энергии и природы эфира, а эта странная передача мысли картинками, благодаря которой мы рассказали им нашу историю, они же нам — свою, покоится на эфирном отпечатке, переведенном обратно на термины материи.

Но тем не менее, несмотря на их познания, остались такие вопросы, связанные с современным научным развитием, которые были упущены их предками.

На долю Скэнлана выпало наглядно продемонстрировать этот факт. Несколько недель он находился в состоянии сдержанного волнения, затаив в себе какой-то величайший секрет и беспрестанно ухмыляясь своим собственным мыслям. В течение этого времени мы виделись с ним случайно, потому что он был крайне занят и его единственным другом и поверенным был толстый и веселый атлант по имени Бербрикс, который обслуживал часть машин. Скэнлан и Бербрикс, хотя их внешнее общение выражалось, главным образом, знаками и молчаливым похлопыванием друг друга по спине, стали закадычными приятелями и постоянно запирались вместе. Однажды вечером Скэнлан вошел с ликующей физиономией:

— Слушайте-ка, профессор! — обратился он к Маракоту. — У меня есть одна затейка, которую мне хочется передать этому народцу. Они нам показали пару своих штук. Полагаю, что теперь настал наш черед. Что вы скажете на то, чтобы завтра вечером созвать их всех на представление?

— Джаз-банда или Чарльстона? — спросил я.

— Чарльстон — пустяки! Подождите, пока сами увидите. Дружище, это просто можно обалдеть! Впрочем, больше не скажу ни слова. Только вот что, хозяин: я не хочу пускать вас вниз, потому что сам соорудил эту штуку и хочу сам ее вручить.

Согласно его желанию, на следующий вечер, вся община собралась в знакомом уже зале. Скэнлан и Бербрикс стояли на возвышении и сияли от гордости. Кто-то из них дотронулся до какой-то кнопки и вдруг..., выражаясь языком Скэнлана: «Слово за ним, он несколько удивил нас!»

— Вызывает 2. Л. О.! — крикнул звонкий голос. — Лондон Вызывает Британские остро(ва)! Предсказание погоды. — Затем последовали обычные фразы насчет понижения атмосферного давления и антициклонов. «Бюллетень важнейших новостей. Его величество король сегодня утром совершил открытие нового флигеля детского госпиталя в Хаммерсмите... и так далее и так далее, в обычном стиле. Мы впервые снова перенеслись в обыденную жизнь Англии. Мы выслушали затем иностранные новости, а потом спортивные. Старый мир бездельничал попрежнему. Наши друзья Атлантиды удивленно слушали, не понимая, в чем дело. Однако, когда первым номером после новостей, оркестр заиграл марш Лоэнгринга, у них вырвался единомудушный крик восторга. Смешно было смотреть, как они кинулись на возвышение, отворачивали занавеси и заглядывали за экраны, чтобы найти источник этой музыки. Да, мы навсегда наложили свой след на подводную цивилизацию.

— Нет, сэр! — рассказывал потом Скэнлан. — Я не мог построить передаточной станции: у них нет материала, а у меня не хватает мозгов. У себя дома я соорудил собственный двухламповый приемник и поставил антенну рядом с протянутой поперек двора веревкой для сушки белья. Научился с ними обращаться и улавливать любую станцию Штатов. Смешно будет, — подумал я, — мы имеем под рукой все это электричество, а их стекольное дело опередило наше, неужто мы не сможем смастерить что-нибудь такое, что улавливало бы эфирную волну. А волна наверняка так же легко путешествует через воду, как и по воздуху. Приятеля Бербрикса едва не хватил удар, когда мы приняли первый вызов, но теперь он обучен этому делу. Думаю, что это — постоянная установка.

Среди открытий химиков Атлантиды есть один газ, в девять раз легче водорода. Маракот назвал его левиген. Его опыты над ним и внушили нам идею послать на поверхность океана стеклянные шары с известием о нашей судьбе.

Я пояснил Мэнде нашу идею и он отдал приказание рабочим силикатных мастерских; через один-два дня шары будут готовы.

— Но как мы можем вложить внутрь наши сообщения? — спросил я.

— В них оставляется небольшое отверстие, через которое вводится газ. В него мы просунем наши рукописи. Потом эти искусные рабочие запечатуют отверстие. Уверен, что, когда мы отпустим шары, они выскочат на поверхность.

— И будут год болтаться, никем не замеченные.

— Возможно! Но шар будет отражать лучи солнца и наверняка привлечет к себе внимание. Мы находились на судоходной линии между Европой и Южной Америкой. Я не вижу причины, почему, если мы пошлем их несколько, не выловят хотя бы один.

Вот каким образом, мой дорогой Тальбот, это повествование попало в ваши руки. Но за ним таится еще гораздо более роковой замысел. Мысль «эта возникла в творческом мозгу американского механика.

— Знаете что, друзья! — сказал он, когда мы сидели одни в нашей комнате. — Здесь внизу чудесно, и выпивка отличная и еда хорошая, да к тому же я встретил девушку, по сравнению с которой всякая в Филадельфии выглядит, как два цента, но все-таки бывают времена, когда хочется почувствовать, что я снова взгляну на божий свет...

— У всех нас бывает такое чувство, — сказал я, — но я не вижу, как бы вы это сделали?

— Послушайте-ка, хозяин! Если эти шары с газом могут поднять вверх наше послание, они могут поднять также и нас. Не подумайте, что я в бреде, я это точно высчитал. Предположите, что мы соединим три или четыре шара вместе, чтобы получить хороший лифт. Понимаете? Потом наденем наши стеклянные колпаки и прикрепим себя к шарам. Раздается сигнал, шары отпускают и мы дуем вверх! Что нас застопорит между здешними местами и поверхностью?

— Акула, может быть?

— Ба! Акула — ерунда! Мы так будем жарить мимо всякой акулы, что она даже вряд ли разглядит нас: примет за три вспышки света. А мы получим такой разгон, что выстрелим на другом конце на пятьдесят футов в воздух. Говорю вам, что всякое чудище, увидя, как мы поднимаемся вверх, со страху забормочет свои молитвы.

— Предположим, что это возможно. А что будет дальше?

— Только не задумывайтесь о том, что будет дальше! Давайте попытаем счастья, не то мы останемся здесь на вечное сбережение. Я за то, чтобы пойти на этот риск.

— Разумеется, я стремлюсь вернуться в мир хотя бы только ради того, чтобы изложить перед научными обществами наши результаты! — сказал Маракот. — Только мое личное влияние может заставить их осознать все значение добытых мною новых сведений. Я готов попытаться вместе с Скэнланом.

Может быть, причиной моего предубежденного суждения были лучистые глаза Моны, но из всех троих я проявил наименьшую пылкость.

— Это полное сумасшествие! Ведь если никто не будет поджидать нас на поверхности, мы непременно будем носиться по волнам и погибнем от голода и жажды.

— Чудак-человек! Как это возможно, чтобы кто-нибудь стал нас поджидать?

— Может быть, возможно устроить и это! — сказал Маракот. — Мы можем сообщить в пределах одной-двух миль, точную долготу и широту нашего положения.

— А они спустят вниз лестницу? — сказал я с некоторой горечью.

— Лестница — ерунда! Хозяин прав! Послушайте-ка, м-р Хэдлей: вы напишите в этом письме, которое вы пошлете во вселенную... (ух, так и вижу ошеломительные строчки в газетах!), что мы находимся на 27 северной широты и 28.14 западной долготы, или как там будет правильно. Поняли? Потом вы скажете, что трое самых важных в истории людей, великий человек науки Маракот, новая звезда — собиратель насекомых Хэдлей, и Боб Скэнлан, жемчужина механики и гордость Мэррибэнка, вопят со дна моря о помощи. Успеете вы за моими мыслями?

— Ну, хорошо, а потом?

— А там уж это их забота! Это будет вроде вызова, который они не могут забыть. То же самое, что я читал про Стенли, отыскавшего Ливингстона и тому подобное. Их дело найти какой-нибудь способ вызвать нас или поймать нас в том конце, где мы сами сможем к ним выпрыгнуть.

— Мы сами могли бы предложить им этот способ! — сказал профессор. — Пусть они закинут в эти места глубоководный бот, а мы будем его искать. Когда он появится, привяжем к нему сообщение и попросим их присутствовать при нашем появлении.

— Толково сказано! — воскликнул Боб Скэнлан. — Вот верный способ!

— А если какая-нибудь дама пожелает разделить нашу участь, четверым будет так же легко подняться, как троим! — сказал Маракот, глядя на меня с плутоватой улыбкой.

— Что касается этого, то и пятерым так же легко, как и четверым! — заметил Скэнлан. — Но вы теперь все поняли м-р Хэдлей. Напишите это и через шесть месяцев мы снова вернемся в Лондон.

Итак, мы пускаем наши два шара в эту воду, которая для нас то же, что для вас воздух. Наши два маленьких баллона отправятся наверх. Оба ли потеряются в пути? Это возможно. Или же один пройдет все же это расстояние? Решение этого вопроса мы предоставляем судьбе. Если нам ничем нельзя помочь, то сообщите тем, кому мы дороги, что во всяком случае мы невредимы и счастливы. Если же этот замысел возможно выполнить и найдутся необходимые для нашего спасения деньги и энергия, мы указали вам тот путь, каким это может быть сделано.

А пока что — прошайте или, лучше сказать, досвидания.

Так заканчивалось повествование в стеклянном шаре.

Все вышеизложенное включает все факты, поскольку они были мне доступны в момент написания этого отчета. Пока рукопись находилась в руках наборщика, появился самый неожиданный и сенсационного рода эпилог. Я имею ввиду спасение переживших это приключение паровой яхтой м-ра Фэвержера «Марион» и известие, посланное радио-передачей этого судна и принятое кабельной станцией на островах Кап-де-Верде, которая только что передала его в Европу и Америку. Это известие было составлено м-ром Кей Осборн, известным представителем Объединенной прессы.

Повидимому, тотчас же после того, как первое сообщение о положении профессора Маракота и его друзей достигло Европы, была успешно и спокойно снаряжена экспедиция в надежде спасти их. М-р Фэверджер великодушно предоставил свою знаменитую паровую яхту в распоряжение спасательного отряда, к которому он сам присоеди-

нился. «Марион» в июне вышла из Шербурга, забрала в Соутгемптоне м-ра Кэй Осборн и кино-оператора и тотчас же направилась к тому месту океана, которое было указано в оригинальном документе. Она достигла его первого июля.

Они спустили глубоководный проволочный лот и медленно потащили его по дну океана. На конце этого лота, рядом с тяжелым свинцом, была подвешена бутылка с запиской. Записка гласила:

— Ваше сообщение получено миром и мы здесь, чтобы помочь вам. Мы повторяем это извещение по нашей радио-

передаче, в надежде, что оно дойдет до вас. Мы будем медленно пересекать вашу область. Когда вы отвяжете эту бутылку, пожалуйста поместите в нее ваше собственное извещение. Мы будем действовать согласно вашим инструкциям.

В течение двух дней «Марион» медленно крейсировало взад и вперед без всякого результата. На третий день спасательный отряд ожидал большой сюрприз. Небольшой, ярко светящийся шар выскочил из воды в нескольких стах ярдах от яхты. Он оказался стеклянным носителем известия того же вида, который был описан в оригинальном документе. Когда его с некоторым затруднением разбили, то прочли следующее:

— Спасибо дорогие друзья! Мы высоко ценим вашу преданность и энергию. Мы с легкостью получаем ваши радиосообщения и в состоянии отвечать вам таким же способом. Нам удалось завладеть вашим лотом, но течение высоко подняло его и он пронесется мимо нас скорее, чем даже самый быстрый из нас может двинуться, преодолевая сопротивление воды. Мы предполагаем отжаться на нашу попытку завтра в шесть часов утра.

По нашему вычислению, это будет четверг, 5-го июля. Мы будем появляться по одному, чтобы каждый вытекающий из нашего опыта совет мог быть передан по радио тем, кто будет подниматься позже. Еще раз сердечно благодарим.

Маракот. Хэдлей. Скэнлан.

Передаю дальше слово м-ру Кей Осборн:

— Стояло чудное утро и глубокое сапфирное море растянулось гладкое, как озеро. На величественном своде ярко голубого неба не было ни малейшей тучки. Весь экипаж «Марион» с раннего утра был на ногах и с живейшим интересом ожидал событий. При приближении шести часов наше напряжение стало мучительным. На нашу сигнальную мачту был поставлен сторожевой и ровно за пять минут до назначенного часа мы услышали его крик и увидели, что он указывает на воду... Все мы столпились на этой стороне палубы и мне удалось вскарабкаться на одну из шлюпок.

Верхняя часть ее тела была покрыта стеклянным абажуром.

откуда мне все было ясно видно. Я увидел сквозь тихую воду что-то похожее на серебряный пузырь, приближающийся с большой быстротой из глубины океана. Оно разорвало поверхность воды приблизительно в двухстах ярдах от судна и взлетело прямо на воздух. Красивый сверкающий шар, около трех футов в диаметре, поднялся на большую высоту и потом легким течением ветра его отнесло в сторону, совершенно так же, как отнесит игрушечный воздушный шарик. Это было удивительное зрелище. Но оно наполнило нас боязнью, так как повидимому, скрепления ослабли и ноша, которую привязали к шару, слетела в пути. Тотчас же была передана радиограмма:

— Ваш вестник появился вблизи судна. Ничего прикрепленного к нему не оказалось и он улетел.

Тем временем мы спустили шлюпку, чтобы быть наготове ко всякому событию.

Как только минуло шесть часов, наш сторожевой дал новый сигнал и мгновением позже я заметил другой серебряный шар, всплывавший из глубины гораздо медленнее первого. Достигнув поверхности, он стал раскачиваться в воздухе, а его ноша держалась на воде. По рассмотрении эта ноша оказалась большим свертком книг, рукописей и различных предметов, завернутых в оболочку из рыбьей кожи. Мы подняли его на палубу и сообщив об этом по радио с нетерпением стали ожидать следующего прибытия.

Оно не заставило себя долго ждать. Снова серебряный пузырь, снова разорвалась водяная поверхность, но на этот раз блистающий шар взметнулся высоко в воздух. К нашему удивлению, под ним была подвешена тонкая фигура женщины. Толчком ее подняло в воздух, но мгновением спустя ее шар понесся в сторону судна.

Вокруг верхнего изгиба стеклянного шара было крепко прилажено кожаное кольцо. От него спускались длинные ремни, прикрепленные к широкому кожаному поясу вокруг хрупкой талии женщины. Верхняя часть ее тела была покрыта странным грушевидной формы стеклянным абажуром. Я называю это стеклом, но абажур был из того же гибкого, легкого материала, как и стеклянный шар. Он был почти прозрачным, с серебряными прожилками. Эта стеклянная одежда имела тугие эластичные закрепы на плечах и талии, благодаря чему она была совершенно водонепроницаемой. Внутри же она была снабжена, как было описано в оригинальном манускрипте Хэдлея, новым, но очень легким к практическим химическим аппаратом для возобновления воздуха. С некоторым трудом мы подняли

женщину- на палубу и удалили дыхательный колокол. Она лежала в глубоком обмороке, но ее равномерное дыхание внушало нам надежду, что она скоро оправится от последствий быстрого путешествия и перемены давления. Последняя была сведена до минимума тем, что плотность воздуха внутри защитного футляра была значительно больше, чем наша атмосфера и представляла собой ту среднюю атмосферу, которой обычно пользуются водолазы. Повидимому, эта женщина Атлантиды, упоминаемая в первом сообщении под именем Моны. Если мы будем рассматривать ее как образец этой народности, то это действительно раса, стоящая того, чтобы снова завести ее на земле. У нее темный цвет кожи, прекрасные, ясно очерченные и благородные черты лица, длинные черные волосы и великолепные глаза газели, которыми вдруг она обвела вокруг себя с прелестным изумлением. Морские раковины и перламутр были нанизаны на ее тунику цвета крем и покачивались в ее темных волосах. Нельзя было вообразить себе более совершенную наяду глубины. Она была самое воплощение тайны и величия моря. Мы увидели, как в эти удивительные глаза возвращается полное сознание. Потом она с резвостью молодой серны внезапно вскочила на ноги и подбежала к борту судна.

— Цирус! Цирус! — закричала она.

Мы уже успокоили по радио тревогу оставшихся внизу. Теперь, быстро следуя один за другим, прибывал каждый из них, взлетая на тридцать-сорок футов в воздух, а затем падая обратно в море, откуда мы его быстро поднимали. Все трое были без сознания, а у Скэнлана из носа и ушей шла кровь, но по истечении одного часа все они были в состоянии, шатаясь, подняться на ноги. Полагаю, что первое движение каждого было весьма характерным: Скэнлана смеющаяся группа людей увела в бар, откуда сейчас раздаются веселые возгласы, которые даже мешают передавать это сообщение. Профессор Маракот схватил сверток рукописей, вырвал оттуда одну, полностью состоявшую, насколько я мог судить, из алгебраических символов и исчез вниз. А Цирус Хэдлей кинулся к своей странной девушке и, по последним сообщениям, у него такой вид, словно он намерен никогда с ней не расставаться.

Вот как обстоят дела и мы надеемся, что наше слабое радио доставит эту весть до станции Кап-де-Верде. Более подробные детали всего, изумительного приключения, как и приличествует, последуют позже от самих его героев.

„КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?“

Новые испытания Сэма Ллойда.

ПОСТРОЙКА ДОМА.

Я задумал построить «Дом любителей головоломок». Просматривая расценку строительных работ, я нахожу, что она может служить материалом для занимательной головоломки. А именно, обойщик и маляр согласны покрасить здание и оклеить его внутри обоями за 1.100 долларов; общая смета работ маляра и паяльщика равна 1.700 долларов; паяльщик и электротехник вместе расценивают свой труд в 1.100 долларов; общий счет электротехника и плотника будет равняться 3.300 долларов; плотник и каменщик вместе требуют за свою работу 5.300 долларов. А каменщику и обойщику вместе надо будет уплатить 2.500 долларов. К тому же смета обойщика составляет $\frac{2}{3}$ «сметы электротехника».

Попробуйте-ка определить смету каждого из рабочих в отдельности.

БАЗАРНАЯ КОРЗИНА.

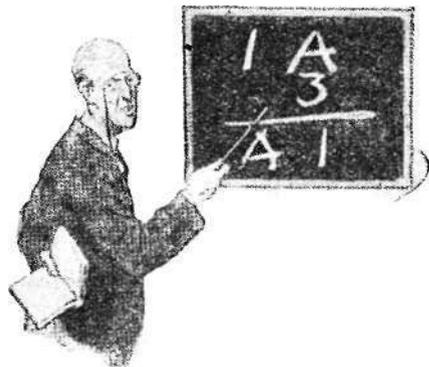
— Вот ваша корзина и наполнена! — заметил бакалейщик, на что м-сс Миллер заявила ему:

— Вы торговцы только и знаете, что набавляете цены. Я помню добрые старые времена, когда наполнить эту корзину стоило на пять долларов дешевле, чем теперь. В те золотые дни, уплачивая две трети тех денег, которые (перешли только-что из моего кошелька в вашу кассу, я получала съестных припасов на одну треть больше того, что лежит сейчас в моей корзине.

Если расчет м-сс Миллер правилен, сколько денег надо было ей затратить в прежнее время, чтобы наполнить свою базарную корзину?

ЗАГАДОЧНАЯ БУКВА А.

Учитель говорит: буква А представляет собою известное число, составленное из пяти цифр. Если мы увеличим число А, поместив впереди него цифру 1 и затем умножим вновь полученное число на 3, произведение будет А 1.

Кто может заменить эту букву А числом, которое соответствует данным условиям?

БОМБЫ и ПОЦЕЛУИ

Рассказ Евг. ТЕРНИК.

Рисунки И. КОРОЛЕВА.

Боба Терехина звали Снайпер, что означает сверхметкий стрелок, и кличка эта прочно сопутствовала человеку, в котором было пять пудов веса и вдвое

больше сарказма. Мы встретились с Бобом на бранных полях Украины. Он крепко сошелся с дружной компанией молодых энтузиастов, и седеющую его голову всегда можно было видеть в кругу наших голов.

Боб — это от Америки, куда эмигрировал он лет пятнадцать тому назад. А голубые, нестареющие глаза и любовь к бродяжничеству — от огромной нашей родины. Когда в 1917 году горячий ветер русской революции пахнул по земле, русская колония на юге Америки послала Боба передовым дозорным на родину. Боб привез с собой широкополюю шляпу, нерусское имя и ковбойские штаны. Но душа у него была курская, соловынная, здешняя, и он застрял вместе со штанами, шляпой и нерусским именем на бунтующей родине, ошетилившейся штыками восстания от Белого моря до синего Каспия...

Теперь Боб работает в Совхозе. Прошлым летом мы нагрянули к нему компанией, и он долго и радостно поминал чертей, пожимая нам руки.

Тихими вечерами Боб философствовал и рассказывал.

Перепрыгивая как-то с одной темы на другую, мы никак не могли найти мирного пристанища беспокойным своим мыслям, пока кто-то из нас — кажется Кривой Ильей, которому нечего было делать — не бросил горячительного слова о храбрости.

Тема была избита и истерта, как футбольный мяч, но, по врожденной каждому человеку любви к героике, мы принялись обсасывать ее со всех концов.

Перебирались случаи, когда человек совершает храбрость или вынужденный к этому обстоятельствами, или из тщеславия, или из любви к искусству, или по природным своим свойствам. Сходились в мнении, предложенном Ильей, что подлинный герой никогда и ни перед чем не станет втупик...

— Быть решительным в малом иногда труднее, чем быть героем в большом.

Трубка Боба чуть вспыхивала в темноте под прижавшим ее пальцем. Густо нависшие брови скрывали глаза.

— Вы не знали Гарри Смайльса? — спросил он.

Боб вытряхнул трубку и снова набил ее.

— Это было в одном из южных штатов. Гарри работал в местной газетке, величиной в носовой платок, которым девушки утираются на танцульке. Количе-

ство правдоподобия в этой газетке было обратно пропорционально числу обслуживавших ее сотрудников. Так всегда бывает в газетах с тех пор, как люди стали узнавать новости из типографских касс. Гарри не был исключением. Я далек от желания обелить его! Да и является ли это проступком? Парень обладал фантазией и орудовал ею не хуже, чем пастух кнутом. «Восход Мира» ничем не отличался от своих достойных коллег по петиту.

Гарри обычно разъезжал по штату и писал о дорожных впечатлениях. На чорта это было нужно ему — спросите у его двоюродной бабушки!

Он писал. А кроме того состоял членом Клуба Ковбоев Штата.

Вы думаете, что это было бюро сыщиков? Или организацией веселых ребят? Нет. — Мы также боролись с взяточниками-судьями и правительственными комиссарами, как и с бандитами.

Положение ковбоев к тому времени, надо вам сказать, стало невыносимым. Денежные тузы захватывали рачно сотнями, при помощи своих банков и кредитных бюро, диктовали им свою волю, свои цены и свою политику. На ранчо начали происходить форменные классовые бои ковбоев с фермерами.

Клуб Ковбоев Штата — так называлась у нас ковбойская организация — поддерживал связь с столичными профсоюзами и Уоркерс-Парти. Клуб проводил стачки, демонстрации, организовывал далеко разбросанных батраков.

В тот год Бен Гортлей с ранчо «Овечий Отдых» ушел на волю, оставив хозяину пару старых краг и нарушенный договор.

Наступала самая страда, когда, нужно было стричь овец, и рабочие руки ценились на вес золота. А у Бена сами руки были золотые! Но он вступился за девчонку, которую хозяин волок к себе в спальню, и рассвирепевший хозяин ударил его палкой. Бен смолчал и потребовал расчета. Хозяин одумался и отказал.

Бен был своим парнем, горячка гордости охватывала его, как лихорадка. Он пошел на ранчо в кабалу потому, что ему нечего было жрать. И он ушел оттуда, как только задела его гордость. Он захватил девчонку и одеяло и отправился с ними из ранчо.

Его пристрелили в тот же вечер у брода племянники хозяина. Девчонку они затащили тут же в кусты.

Мы нашли Бена лежащим головой в воде. Пиявки впились в распухшее лицо...

Клуб решил для начала соблюсти закон и в последний раз обратиться к губернатору с жалобой. Эта жалоба была последней, ибо судьба ее ничем не отличалась от судьбы предыдущих. Жалобы губернатору были похожи на горсть кукурузы, которую бросаешь о стену.

Губернатор не в первый раз издевался над людьми. Все еще помнили негра Хочкинса, которому губернаторские молодцы отрезали уши за то, что он осмелился протанцевать в «Золотом Дожде» с Ненси Уайт. Ссора с неграми давно уже отошла для наших ребят в область преданий; негры были дельными парнями и одним из лозунгов Клуба было: «Черный изнутри не темнее белого».

От губернатора мы ответа так и не удостоились. «Скандал» стал принимать широкие масштабы... Гарри Смайльс поймал меня, когда я вдевал ногу, в стремя, и шепнул на ухо:

Мы нашли Бена лежащим головой в воде.

А Гарри Трут сел на электрический стул за то, что ударил судью, пристававшего к его жене. Судья приходился родственником губернатору.

Весенняя стачка ребят с юго-восточных ранчо была сломана карабинами губернатора. Клуб потерял тогда двух своих дельных ребят, которых посадили в Синг-Синг за громкие их глотки.

У нас коротко поступали...

Ну, вот. Ранчо «Овечий Отдых» было оштрафовано за убийство Бена на полтора доллара. На полтора доллара, ребята! За убийство нищего ковбоя.

Ребята из Клуба собрались в «Золотом Дожде» — единственном месте, которое беспрепятственно вмещало в себя сколько угодно людей, заказывающих по стакану виски в виде арендной платы.

С Юга прискакали двое посланных от ребят с крупных ранчо; они привезли требование объявить забастовку. Ребята горячились и не хотели даже дожидаться завтрашнего дня. Они сейчас же отправились во-свояси, напутствуемые «ура», и пообещав поднять по пути все ранчо...

— Боб, ты понимаешь меня. Довольно губернатор коптил небо и вытапывал асфальт. Кровь Бена может высохнуть только на костях этой сволочи... Брось подпругу! Посмотри, видишь?..

Он приоткрыл карман и показал мне кончики двух металлических ручек, торчавших из кармана, как портсигары. У меня захватило дух: это были две бомбы, — вы знаете, кавалерийские, европейского образца, со спускными кольцами...

Боб кашлянул и будто застенчиво продолжал:

— Я, ребята, был тогда молод. Вино, а не кровь бродило по моим жилам.

Пафос героики ударил мне в голову, как храп моей кобылы перед карьером.

— Уговорил! — крикнул я.

И Гарри величественно пожал мне руку.

Вы не знали Гарри Смайльса?

Этот парень может всыпать порох в рога дьяволу, взорвать их вместе с его головой, если ему приспичило.

Он укокошил Большого Билля, которого трусила вся жандармская братия, когда он отпустил незамысло-

ватый комплимент по адресу Мери Клифф, с которой Гарри незадолго перед тем познакомился в фруктовом саду ее отца.

Эге, ребята, я заговорился о Клубе и совсем упустил из виду познакомить вас с одной из главных героинь моего повествования! Дело в том, что Гарри был влюблен.

Гарри ухаживал за Мери упорно и молчаливо, никак не решаясь поведать ей о благородных своих чувствах. Это служило темой для дружеских толков у стойки «Золотого Дождя», и Гарри краснел, как провинившийся школьник, когда приятели подсмеивались над его нерешительностью...

Большой Билль сказал какую-то гадость, и через день его нашли в положении, в котором находятся люди за пять минут до облачения в саван.

На завтра весь «Восход Мира» был полон очерками Гарри, как сейчас мой рот дымом табака. Гарри любовно описывал положение тела убитого и две дырочки в его голове, и ужасался храбрости убийц, которых, по его мнению, было не менее трех или даже десяти.

Охранники сбились с ног в поисках «убийц», а Гарри загребал гонорары и процеживал их спокойно сквозь кружки «Золотого Дождя».

Вот почему Гарри удалось уломать меня.

Клуб ничего, конечно, не должен был знать об этом сумасшедшем предприятии, ибо нам выпали бы полные шивороты мокрого гороха за этакое «геройство».

В губернском городе, отстоявшем в сорока верстах от «Золотого Дождя» и домишек его клиентов, происходили празднества Конституции, которую мы, к слову сказать, никогда и не нюхали.

Колеса курьерского примчали нас туда рано утром.

Бомбы были у Гарри. Я остался со «Смитом». За право швырнуть «штучки» до моих выстрелов, Гарри обещал мне дожину малаги, если будущее благополучно предстанет перед нами в виде вывески с золотым дождем на кобальтовом поле.

Мы вышли с вокзала, когда улицы имели еще сонный вид. Гарри зевал с непостижимым удовольствием, и полы его зеленого пиджака с оттопыренными карманами развевались так внушительно, что я серьезно беспокоился за его участь.

Мы пошли по главной улице и завернули в сквер.

Молодцы в мундирах уже украшали углы. По панелям, точно коровы с пастбища, разбрелись и застыли курносые парни в казенных блузах. Бляхи очень неумело были заправлены у них под саржевыми лацканами.

К десяти часам улицы оживились. Народ сновал туда и обратно. Усердие молодцов с каждым часом делалось очевиднее.

С балкона какой-то харчевни с мраморными колоннами загрохотал «Янки-Дудль». Мы устроились с Гарри на выступе лавки у угла уютного переулка, который вел к железной дороге.

Шляпа Гарри была похожа на гриб. Я заметил ему, и он сдернул ее на спину.

Народ прибывал толпами. Звуки музыки дали нам знать. В конце улицы появилось шествие. Впереди несли знамена и всевозможные побрякушки, точно созданные для того, чтобы нервировать людей, у которых запрягано по карманам несколько фунтов взрывчатого вещества. За знаменами шел полк солдат, а за ними штатские колонны.

Когда процессия прошла, отряд отборных скулодробителей, т.-е. я хочу сказать охраны губернатора, расчистил улицу и прижал народ к домам. Издали показался черный экипаж. Губернатор ехал в Офис-Холл.

Гарри взглянул на экипаж и выругался так решительно, что я от неожиданности чуть не спустил в кармане курок.

Дело в том, что рядом с черной бородкой губернатора тряслось страусовое перо на шляпе его жены. Дама сия страдала зудом всевозможных покровительств и чесоткой религиозности, точно для замаливания грехов своего муженька.

Пальцы мои разжались, и «Смит» горестно плюхнулся на самое дно кармана.

Выручил нас случай. Сбоку выехала разукрашенная колесница Общества женщин, которые воображают, что папироска во рту и хриплый голос отождествляют собой идеи эмансипации.

По верноподданному приглашению демонстранток губернаторша приказала кучеру остановиться и, осторожно приподняв шлейф вышла из экипажа и пересела в колесницу. Колесница же была запряжена идиотками, думающими, что клетчатые юбки и остриженные космы делают их похожими на нашего брата!

Боб саркастически сплюнул и неодобрительно закурил мундштук.

Сплюнув, продолжал:

— Губернатор оказался, наконец, в приятном одиночестве. Гарри встал спиной впереди меня, притиснутый ко мне толпой, а я уперся в угол лавки, тихонько положив «Смит» на плечо приятеля. Мы были крайними в последнем ряду и стояли на голову выше всех.

Удача сопутствовала нам, как верная кобылка. Экипаж поровнялся с нами и Гарри, выпнувшись пантерой, бросил бомбу вперед сильным и верным броском.

Прежде чем раздался взрыв, он уже вытаскивал вторую.

Обе бомбы угодили в экипаж с точностью моей пули в мишень, скажем, двадцатиметрового тира.

— Гони! — • шепнул я Гарри, и он спокойно пролез под моими ногами в переулок. Я разом последовал за ним.

Через полчаса мы катили на север в купэ экспресса.

Гарри занавесил окна, и при дневном полумраке мы принялись «переживать», ибо нет для человека ничего полезнее, как потренировать свои мозги и нервы сразу вместе.

— К дьяволу! — сказал Гарри своим железным голосом, от которого лопались пробирки на стойке «Золотого Дождя». — Сколько раз мы требовали от правительства отставки этого чорта! Правительство надело теплые наушники на свои ослиные уши!

Когда прошла проверка билетов, Гарри выпатил из кармана помятое яблоко.

— Это я взял вчера из сада отца Мери, — сказал он другим тоном, потише и помягче. — Я взял его... когда снова отказался от мысли сказать Мери о своей любви.

Я сочувственно вздохнул.

Гарри вдруг беспокойно поднялся, посмотрел на вывешенное на стене расписание и взял шляпу.

— На следующей станции мы сходим. 3.30. Поспеем на южный, обратно.

И, в ответ на мое беспомощное молчание, он заржал, напихав рот яблоком, прожевывая и горячась:

— Вернемся обратно! Плевать на жандармов! Кстати, завернем за малагой в «Золотой Дождь»... Боб! Мери Клифф! Я сейчас храбрее чувствую это!

Видели вы когда-нибудь такого храбреца, а?

Мы вернулись в городок, где кобальтовая вывеска с золотыми крапинками указывала сразу на место всей политической и общественной жизни городка; где мож-

но хорошо соснуть на панели; где девственный булыжник не знает прикосновения автомобильных шин; где девушки не стригут волос и улыбаются даже телятам; где на каждом углу нас могли схватить десятки рук или угостить двойной порцией свинца. И все это из-за горячей головы, вбившей в себя дурацкую мысль о какой-то храбрости в применении к полутора метрам шелка вокруг полудетских колен!

Телеграф опередил нас. Весь городок знал уже о происшествии, хотя имена главных его участников продолжали оставаться в недостижимой тайне.

Мы бродили с Гарри по городу до вечера...

Вечером того же дня Гарри отправился совершать свое «геройство № 2».

Мы шли по направлению к фруктовому саду мистера Генри Калифф, обладавшего столь дивными яблоками в прямом и переносном смысле этого слова, и молчали.

Гарри шел, спотыкаясь, и я видел, как он старался раздуть в себе угольки отваги.

Мы подошли к плетню, и Гарри посоветовал мне обождать.

Я уселся на землю; я слышал, как шагал Гарри по песку дорожки; я ругался шопотом, вполголоса и вслух.

Вскоре послышался чей-то звонкий голос, принадлежащий к породе звуков, способных вымотать из человека всю его решимость и мозги.

К таким звукам следует, по-моему, отнести: визг точильного камня, грохот разрывающегося над головой снаряда и женский смех.

Именно в этот момент я понял затруднения Гарри. Я заскрежетал зубами от злости и обиды, когда услышал его ответ, его покорный и нерешительный голос, из которого пропала музыка железного упорства. Мысленно я дал себе обет босиком протанцовать матлот на горячей сковороде — в случае успеха дурацкого предприятия моего друга.

Голоса удалялись по направлению сада.

Прошел час...

Беспокойство за свои пятки, по зрелом размышлении, у меня улеглось.

— Дело затягивается! — подумал я. — А нам надо было скорее удирать из штата.

Я начал обходить ограду. Плетень был высокий, но потом стал ниже. Сквозь щели пробивались малиновые кусты.

Внезапно до меня донеслись голоса.

Решив подалее запрятать свои домашние принципы, я подкрался к плетню и, раздвинув его, увидел:

На пне сидела эта самая Мери Клифф, и чорт меня дери, если она не была похожа на яблоко!

Мои пятки стали пророчески гореть, но они остыли мгновенно, как только я увидел Гарри. Он стоял возле девушки в позе Гамлета и с видом Джима-Дурака.

— Вы опять такой скучный и медленный Гарри! — говорила девушка, и я видел, как желваки забегали по скулам моего приятеля.

Девушка расправила платье с деланным жеманством.

— Ну расскажите что-нибудь хорошее, а? Ну, что вы сегодня делали, Гарри, расскажите-ка...

Гарри тяжело вздыхал и вытирал пот со лба, а у меня сердце колотилось от злости в такой пляске, что ребрам было больно.

Тогда Гарри засовывает руку в карман и, вытащив какую-то штучку, принимается деловито и напряженно вертеть ее вокруг пальца.

Десять тысяч дьяволов и восемь ведьм! Он крутил спусковое кольцо от бомбы, засунутое им, очевидно, по рассеянности в карман вместо того, чтобы выбросить эту кричащую улику к чертовой маме на панель!... Он впивался в него теперь взглядом, точно старался получить от кольца заряд отваги!...

Он стоял возле девушки с видом Джима-Дурака.

Но глаза его потухли и разжатые пальцы выпустили кольцо на землю.

Девушка с любопытством подняла его и лениво надела «а свой палец».

Гарри высморкался и ответил:

— Я? А так, писал сегодня... Человечка тут одного... гм, встретил. А вообще, все по-прежнему, так...

Боб крепко сплюнул в сторону Кривого Ильи и язвительно замолчал.

БРАЗИЛЬСКИЕ ОЧЕРКИ

Редьярд КИПЛИНГ

Перевод М. Мирской.

К ЮГУ.

Как-то в раннем детстве я видел во сне, что попал в Пятую Часть Света. Все казалось мне там по иному. Теперь сон сбился!

Гигантские южно-американские пароходы — совершенно самостоятельный мир. Мы находимся еще в Соутгемптонскому порту, но на справки уже отвечают по-испански и португальски. На пароходных квитанциях сделаны надписи на обоих языках. Пассажиры ни с кем и не с чем не считаются; то, что до сих пор принималось во внимание, становится неважным.

Спутники

Один из моих спутников — уроженец Фалькландских островов, привыкший плавать среди фиордов и заливов, ездить верхом, пробираясь по камням и болотам, лишенным всякой растительности и по местам, где люди огораживают вьющих свои гнезда чак, чтобы легче было собирать удобрение, необходимое для пастбищ. Также протекала жизнь его отца, и она была дороже ему всех его богатств.

Другие спутники населяли далекие страны, лежащие за пределами воображения — среди снегов и огней Кордильер, или во влажных лесах, где текут неизвестные реки, рождающиеся в сердцах неизвестных лесов.

Тут были и скотоводы, собственники ровных, огромных пространств земли, по которым проходит железная дорога, тянущаяся на тысячи миль без единого поворота. Их жены и дочери, и семьи кофейных принцев, выглядели так, будто до последней минуты не покидали Рю-де-ла-Пэ. Были здесь и люди с английскими и ирландскими фамилиями, ставшие такими же южанами, как и их аргентинки-жены, и их двигающиеся с молниеносной быстротой дети, говорящие сразу на трех языках во время игры.

Португальские и испанские эмигранты взяли на пароход в Виго и Лиссабоне, привыкшие к воздуху, лежали под открытым небом на верхней палубе.

Мне говорили, что жизнь, к которой они стремятся, почти ничем не отличается от их прежней жизни, с той только разницей, что на юге у них есть возможность стать богатыми. На их пути не будет никаких затруднений: итальянец через две недели уже освоится с португальским языком. Климат, обычай и язык приспособили эти страны для латинцев. Эмигранты были нужны. Правильно ли я это понял? Они называли мне цифры населения, указывая на то, сколько миллионов могло бы быть переброшено к неизмеримому Югу, прежде чем он перестанет гулко резонировать. Некоторые из информирующих меня, произносили слово «Юг», как то по особенному, потому что, говорили они, Север значит Тропики, где люди становятся ленивыми; в то время как деловой Юг подвержен влиянию полярных ветров и морозных зим.

Лилово-голубое море билось внизу, и оставалось позади парохода; солнце вставало быстро, и день сразу вступал в свои права; а мгновенное наступление ночи, следующее сразу за закатом солнца заставляло забывать обо всем на свете.

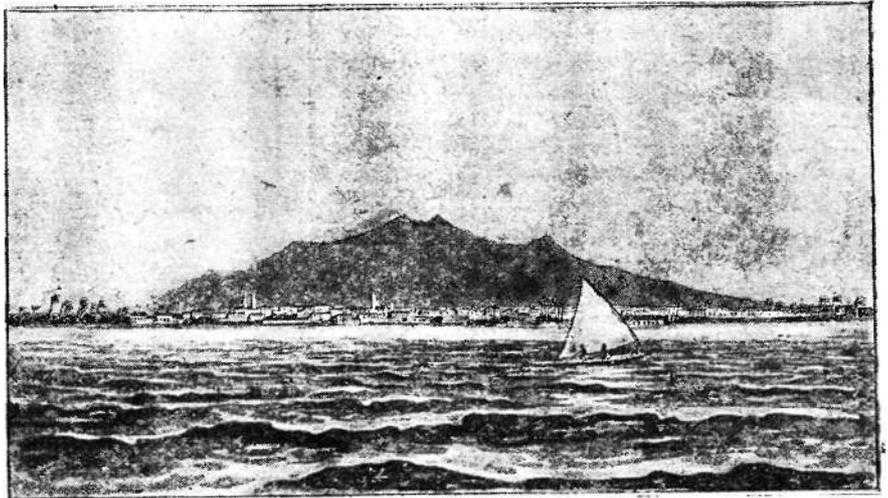
Пернамбуко

Однажды, рано утром, наш пароход остановился, а одновременно прекратились маленькие ветры и легкие движения воздуха; наступила жара, та особенная, совершенно исключительная жара стран, которые не имеют «погоды». Это был Пернамбуко, с множеством лодок мангового дерева, зеленых попугаев, каждый оттенок цвета которых, напоминая собой тонкую эмаль. Все это выделялось на фоне новых столбов, нефтяных баков и длинных рядов складов. За ними лежал низкий берег с настоящими пальмами и банановыми деревьями; на заросшем лесу, вдающемся в бирюзовое море, видны были разбросанные виллы.

Движение вдоль берега

За зеленую берега течет старомодная, сохранившая все свои традиции, презабавная жизнь. Мы сразу присоединились к общему потоку людей, спящих взад и вперед по берегу. Все они на вид самостоятельные, в хорошем расположении духа, хорошо знакомые друг с другом или со знакомыми своих знакомых.

Старый Португальский порт расположился рядом с тем местом, где происходили работы по постройке новой гавани. Легко двигающиеся и также легко разговаривающие пассажиры заполнили все. Они отправлялись каждый по своим делам, в Байю, Триста, Рио- или Буэнос-Айрэс. Вот то стоящее вдали суденышко с дымовыми трубами, принадлежит Бразильскому Ллоиду. Оно пройдет тысячу двести миль к северу, а затем еще две тысячи миль по Амазонке. В Пернамбуко можно опускать письма в Европу, потому что голландская, итальянская или французская почта подхватит их завтра и увезет с собой. Понемногу знакомясь со всем, мы двигались вдоль зеленого пустынного берега, пока нашему взору не представи-

Пернамбуко

лась широкая открытая бухта Байи. На всем лежал отпечаток старины и непоколебимости, подчеркнутый видом древних церквей и мрачных старых домов. Сразу чувствовалось, что Байя мать городов, очаг пламенной энергии Бразилии.

Так мы продолжали наш путь, оглябая мыс, где воздух и вода всегда прохладны, в то время как один бразилец рассказывал мне о временах исследователей, капитанов и священников, которые появились в годы, когда Португалия завоевывала себе полмира.

Пока он рассказывал, мы уже успели приблизиться к пароходу, где на палубе царил большое оживление. Большинство наших Соутгемптонских пассажиров уже почти прибыло домой.

РИО.

В некоторых странах не торопятся, не торопятся даже портовые врачи и полиция. Хотя мы вошли, в гавань Рио-де-Жанейро сразу после полудня, но когда медленно подходили к пристани, уже стемнело. Перед нами вырос весь город и, будто нарочно выбрав момент, когда мы подплывали, зажегся электрическим светом.

Вечерняя прогулка

На борту появились какие-то люди, готовые, как во всем мире, показать незнакомцу любимый ими город. Через две минуты исчезли очертания гавани и автомобиль уже несся по блестящему проспекту, ограниченному по обеим сторонам двойной линией лиственных деревьев и множеством переполненных клубов, магазинов и кафе.

Этот мир света, как то особенно выделялся между гигантскими зданиями и в широких пространствах авеню.

С одной стороны была гавань, окаймленная электрическими огнями, которые, казалось устремлялись вперед, пропадали и снова вытягивались в длинные нити жемчуга, брошенного из невидимых углов. Надо всем видны были и чувствовались очертания сплошь заросших деревьями, гор. Весь мир мчался с нами в автомобилях, переполнен-

Пальмовая аллея

ных людьми без шапок. Все торопились, но никто не мог достигнуть скорости, развиваемой автобусами, звуки которых я впоследствии; сидя у окна восьмого этажа, принимал за шум аэроплана. Где-то справа подымалась гора с огнями, которые исчезали на поворотах дороги. Это была Сан-Тереза, известная по старинным романам, как место, где скрывались любовники, преследуемые судьбой. Она сегодня, как и раньше, представляет собой уголок, где можно было приятно провести время. Кое-где приютились маленькие, розовенькие и беленькие домики, окруженные неожиданно торчащими перьями пальм и банановыми деревьями, сгрудившимися за стенами из слоновой кости.

Мы держались берега и наслаждались воздухом.

Ночь была благоразумно тепла. Шляпы, пальто, торпливость. Время и другие мелочи остались где-то далеко. Беспокойство охватывало при мысли, что этот сказочный город белых дворцов, ярко освещенной зеленой листвы серебристых вод и «неподвижных гор, исчезнет, если осмелиться посмотреть в сторону. Но он не исчезал, в то время как одна огромная петля дороги незаметно проскальзывала в следующую, продолжая свой путь у воды, все еще освещенная дерзкими, всемогущими огнями.

Бегущая гора

Вдруг весь движущийся поток повернул в сторону от бухты, прорвался через кольцеобразный туннель и снова показался на берегу Мюенсберга. Здесь все те, кто не передвигался помощью колес, ходили по мозаичному тротуару у самого моря. Лицом к берегу стояли роскошно построенные жилища, владельцы которых изощрялись в каждой архитектурной детали, отделке и украшении и так как эти здания нельзя было сравнить ни с чем на земле, они прекрасно гармонировали с необыкновенной красотой глядящего на них сверху неба.

— Это Копакабана! — объяснили мне мои спутники. — Она только недавно застроилась. Нет. Это не самый город. Это одно из предместий. Город дальше. Надо проехать еще несколько миль, еще несколько поворотов.

Навстречу нам мчались автомобили с людьми, одетыми в таинственные платья, похожие на персонажей из

сказок. Все это как нельзя лучше соответствовало неестественной прелести окружающей обстановки. Люди весело пели!

— Они готовятся к карнавалу, который устраивают здесь через неделю. Но посмотрите! Если вы последите за формой этой горы, вон той, над которой виден свет, вы заметите, что она сперва остается позади...

Я посмотрел. Гора была неподвижна, мы мчались с большой скоростью.

— Теперь она побежит с нами...

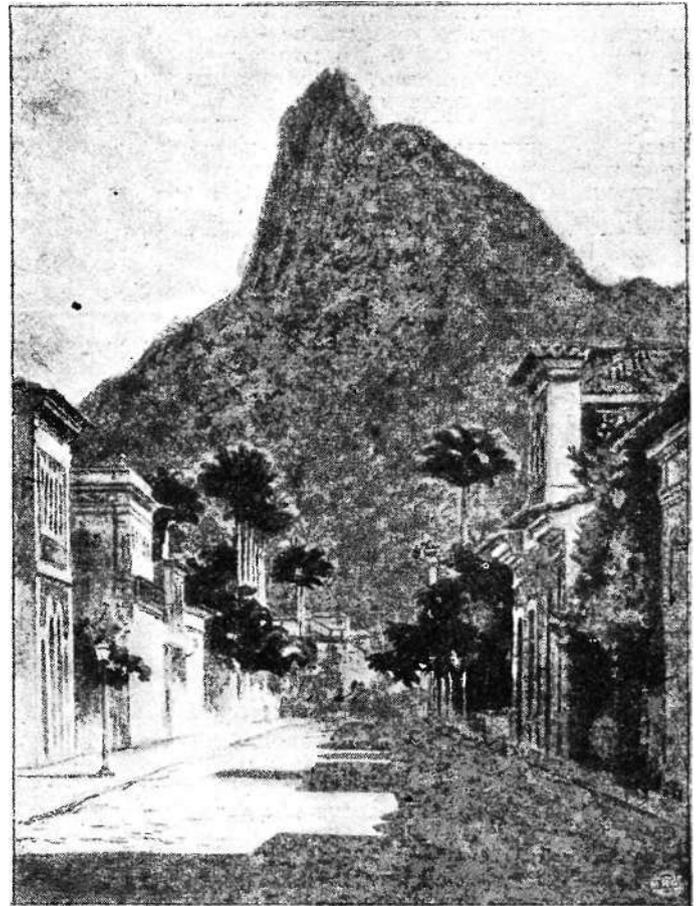
Послушная гора тотчас же снялась с места и последовала за нами.

— Наконец, она опередит нас, а затем остановится и будет ждать у следующей бухты.

Так и случилось: гора остановилась в указанном месте, не проявляя никаких признаков усталости. Подумать только, что когда-то сжигали людей, показывающих значительно меньшие чудеса!

Первая зоря

Путешествие окончилось около мраморной гостиницы на берегу моря, окруженной декоративной зеленью. Под окнами не прекращалось движение до рассвета, когда стихнет ветер, и деревья пользуются отдыхом. Город плавал в невообразимой жаре. Потухли огни на военном судне, прекратил перевозку паром, тихо покачивающийся на голубом полу; легкий дымок уходящего парохода послал последний привет бухте Рио-де-Жанейро. Может быть,

Бегущая гора

где-нибудь есть еще более прекрасные воды, но ни Сидней, ни Капштадт, которые до сих пор казались мне самыми замечательными, не могут сравниться с этой водой. Ни размерами, ни разнообразностью неопикуемых по красоте цветов, ни движением, ни совершенно исключительным обрамлением. Целый ряд вертикальных гор, подымающихся до самых облаков, ограничивал воду на протяжении тридцати или сорока миль с одной стороны. Где-то далеко расположился Петрополис, город удовольствий, населенный в настоящее время посланниками и крупными чиновниками. Жить там могут лишь очень немногие.

Почти под самыми окнами гостиницы раскинулись рыбачьи длинные баржи, занимая привычные места, устано-

вленные еще с времен, когда Папа первый раз отдал Бразилию Португалии.

Замечалили вы когда-нибудь, что в каждом порядочном приморском городе на заре всегда можно видеть одну и ту же картину, исчезающую вместе с рождением дня?

Город просыпается в положенное время! Мужчины, около восьми часов, садятся в свои автомобили и спешат по делам. Их уже опередили автобусы и трамваи переполненные служащими. Жизнь вступает в свои права!

Виктория Регия на родине.

Все мы стремимся к какому-то идеалу. Моим идеалом, с самого детства, было увидеть Викторию Регию на ее родине и, если возможно, птицу с очень длинными когтями, изображенную в книге с картинками, гуляющую по листьям цветка.

Шоффер долго вез меня; наконец, мы доехали до Ботанического сада. Ранним свежим утром, сад был пуст, молчалив и невыразимо прекрасен.

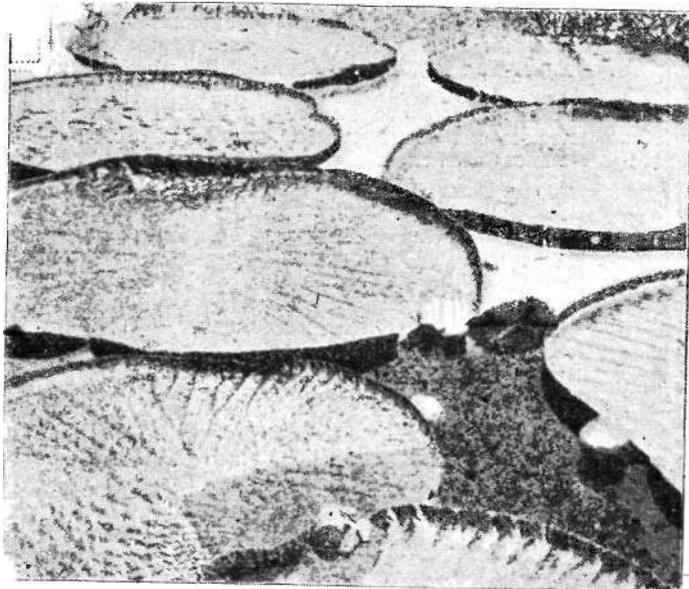
Все было на своих местах: фрукты, цветы, деревья. Разносился аромат, будивший воспоминания, вызывавший грусть или восторг.

Сквозь темные арки деревьев видны были огромные бабочки. Люди ловят их, обрезают им крылья, и сумасшедшими узорами наклеивают под стекло, делают пепельницы и продают туристам, к которым, да простит мне Аллах, принадлежал и я.

Стройные пальмы, тянущиеся кверху бамбуки, бананы, все росло совершенно свободно. Судьба была милостива ко мне! Великий цветок Виктории Регии жил в пруду, и оказался таким, каким изображали его в книгах. Цветок размером напоминающий большую шляпную коробку, был красивее, чем можно было желать. Что касается птицы, то на следующее утро я нашел двух, продававшихся на рыбном базаре, и когти их были такой же длины, как когти птицы, нарисованной в моей книжке с картинками.

Мы возвращались домой около полудня и видели двигающиеся назад и вперед пароходы. По дороге я узнал,

что в трехстах милях от Рио находится небольшой город Сан-Паоло. В нем живет девятьсот тысяч человек, и кроме прочих достопримечательностей он знаменит огромной

Виктория Регия.

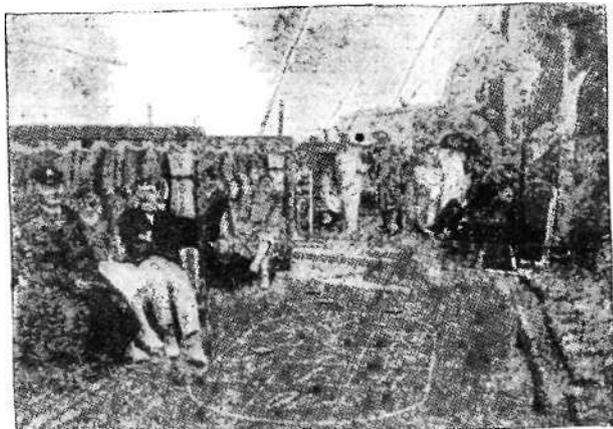
электрической станцией. Города Бразилии, как многие города Англии, непосредственно перешли со свечей на электричество. Но электричество в стране, где воздух насыщен им до отказа, отличается от того электричества, с помощью которого работают пылесосы и машинки для кипячения воды.

Поедем, посмотрим!....

ИГРА И СПОРТ НА ПАЛУБЕ ОКЕАНСКОГО ПАРОХОДА

Вода, целыми днями одна вода! Только изредка встречающийся пароход немного оживит однообразную картину. Но все же ни один из пассажиров океанского парохода не скучает. Сперва живо интересуются невиданной до этих пор судовой работой. Ходят, разглядывают и изучают само судно, но через короткий срок это приедается.

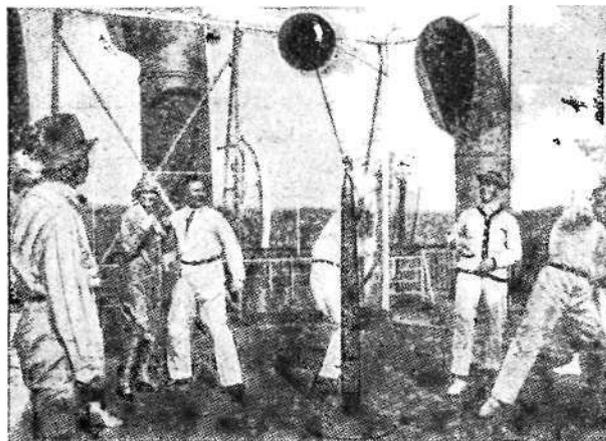

только прогуливаться по палубе (6 раз таких обходов составляют 1 километр) тоже не каждый выдержит долго.

Тогда было изобретено другое занятие. Появились игры. Самая первая игра заключалась в следующем: на полу палубы мелом чертятся квадраты, в которые вписываются числа от 1 до 9, + 10 и - 10, каждый играющий получает особую лопатку, которой быстро двигает маленькие круглые пластинки. Кто достигнет самой большой суммы, тот выиграл.

Линия Гамбург - Америка устроила на своем новом судне «Гамбург» особую спортивную площадку.

Теннис, крокет, бейсбол, футбол, тяга сетей — все это стало доступно на палубе судна. А для того, чтобы при сильных ударах мячи не перелетели через борт весь спортивный дек затягивают частой сеткой. С большим воодушевлением пользуется публика спорт-деком.

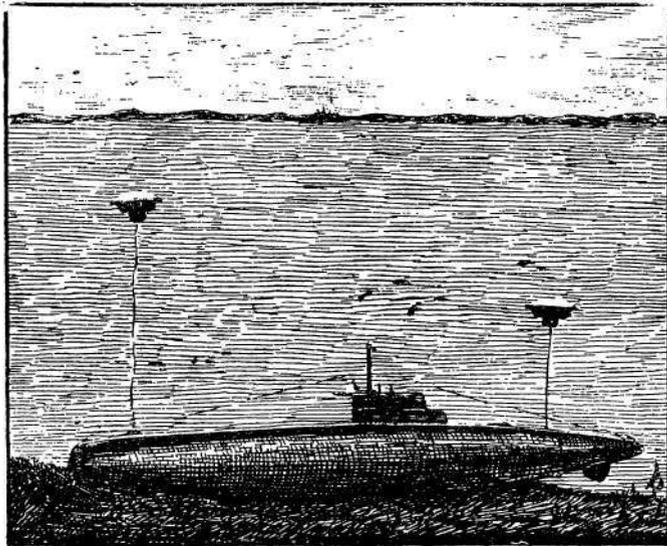
Беспрерывно катятся кегельные шары, а у бейсбола упражняются настоящие боксеры и такие которые хотят ими сделаться.

Занятия играми и спортом возможны, конечно, лишь при тихом море и хорошей погоде. Только при таких условиях и многочисленные зрители могут наслаждаться веселыми и подвижными видами спорта, сидя в своих плетеных корзинах-скамейках, защищающих их от ветра.

ПЯТЬ ДНЕЙ ПОД ВОДОЙ

17 декабря прошлого года американская подводная лодка столкнулась с пароходом «Польдик» и пошла ко дну. Немедленно были мобилизованы специальные спасательные пароходы, целые отряды водолазов, которые принялись рыскать под водой, чтобы найти следы потонувшей лодки.

Вскоре выяснилось, что из всего экипажа лодки в 40 человек осталось в живых шесть матросов. Подводной лодке S⁴ находившейся в спасательном отряде, удалось

Новый проект спасания подводной лодки.

Затонувшая лодка выбрасывает на стальных канатах буй, которые всплывают на поверхность. Эти буи вылавливаются спасательными судами, которые стальными канатами поднимают лодку

уловить сигналы — мольбы о спасении, которые выстукивали моряки, находившиеся в стальном гробу под водой.

Немедленно был спущен водолаз Майкель, который достиг лодки, но, запутавшись в проволоке и обломках подводной лодки, дал знать наверх, что его жизнь в опасности. Тотчас же спустили и второго водолаза Томаса Иди, которому с большим трудом удалось освободить Майкеля из опутавшей его проволоки. Когда Майкель был извлечен из воды, он находился уже в бессознательном состоянии. Его с большим трудом привели в чувство и отправили в госпиталь, где было признано, что жизнь его в опасности.

Эти попытки спасти матросов со дна моря были, по существу, единственными. Скоро разразилась буря и разбушевавшиеся волны лишили водолазов работать. А из глубины моря продолжали поступать сигналы и мольбы о спасении.

19 декабря около 5 часов вечера был принят следующий душу раздражающий сигнал:

— Есть ли надежда на наше спасение?

А через несколько часов было получено и следующее сообщение:

— Последняя бутылка с кислородом на исходе.

В потонувшей подводной лодке оказалось несколько бутылок с кислородом, которые и пригодились теперь матросам, оказавшимся на дне моря без воздуха и света.

Оставалась единственная надежда, что матросы будут лежать тихо, не двигаясь и редко дышать; таким образом, имеющиеся у них запасы кислорода, быть может, дадут им возможность жить до тех пор, пока море успокоится и вновь будет приступлено к спасательным работам.

Спасательные отряды были настроены чрезвычайно пессимистически. В поисках путей для спасения задыхающихся на дне морском был выдвинут проект послать матросам кислород и пищу через торпеду (подводную мину). Но это оказалось слишком опасным шагом, ибо торпеда могла взорвать всю подводную лодку вместе с запертыми в ней людьми. Но и для применения такой рискованной меры необходимо было, чтобы предварительно успокоилось море.

А пока к месту катастрофы продолжали прибывать, с подъемными кранами, понтоны с различными приспособлениями для подъема судов, но все 26 собравшихся судов стояли без движения, ибо все они могли приступить к работе лишь при одном условии — при тихой погоде и спокойном море, а «а это было меньше всего надежды.

20 декабря подводная лодка уловила еще несколько Неясных сигналов, точного смысла которых уже не удавалось установить, но одно было ясно: матросы еще живы и продолжают призывать о помощи и спасении.

В течение целого дня все собравшиеся спасательные суда жадно ловили всякие звуки и сигналы, но только к вечеру сигнальные аппараты S⁸ уловили какие-то слабые и неясные сигналы. Но у никого не было уверенности, поступили ли эти звуки — слабые удары — от матросов со дна морского, или из какого-либо другого места.

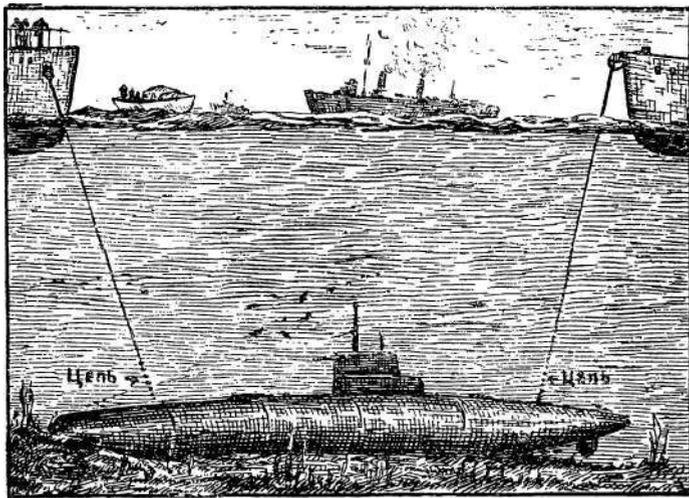
Морской департамент прислал приказ — поднять во что бы то ни стало подводную лодку в течение дня, но приказ этот оказалось невозможным выполнить. Ветер немного уменьшился, но море продолжало волноваться, а спускать при таких условиях водолазов значило бы обречь их на верную смерть.

Ночью двум отважным водолазам, Вильсону и Эбеку, удалось добраться до подводной лодки, установить на ней насосы и таким путем впустить в лодку свежий воздух. Но лодка уже не подавала больше никаких признаков жизни. Повидимому, помощь пришла слишком поздно.

Лишь на пятый день после катастрофы с лодкой S⁴ погода прояснилась. Работа закипела, но тут оказалось, что спасательные суда потеряли «из виду» подводную лодку.

Когда удалось впервые найти лодку, к ней прикреплен был красный плавающий буй, но этот знак теперь исчез. Немедленно были спущены водолазы на поиски лодки. Первый водолаз пробыл на глубине 101 ф. под водой в течение 40 минут, всюду лазил, но ничего не нашел.

— Лодка S⁴ исчезла!

Спустились другие водолазы. С одной стороны спасательного судна «Фалькон» бродили водолазы, а с другой были спущены огромные «вилки», которые принялись расчесывать морское дно и искать исчезнувшую лодку. В 4 ч. 23 м. одной такой вилке удалось зацепить подводную лодку и вскоре водолаз Борд прибыл на то место, где вилка зацепила лодку. По телефону он немедленно сообщил командующему спасательным отрядом, лейтенанту Эльбергу о своей находке. Целых 40 минут водолаз возился с найденной им лодкой. Он стучал, звал, но тщетно. Борда сменил другой водолаз, которому также не удалось получить никакого ответа. Ясно стало, что все матросы погибли, не дождавшись помощи.

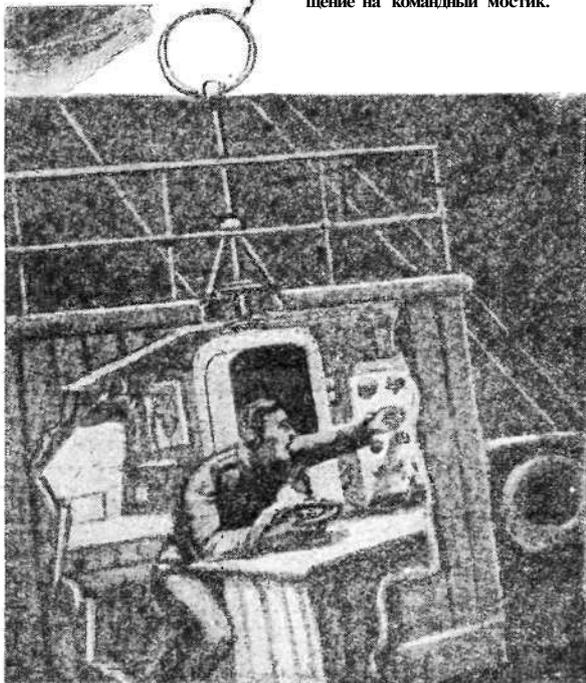
Правительством теперь назначена комиссия для расследования причин гибели лодки S⁴, но уже теперь раздаются голоса, обвинявшие во всей трагедии морские власти.

Член американского конгресса Грифин заявил, что если бы подводная лодка имела бы на своем борту крепкие стальные кольца, то никакого труда не составляло бы навлечь лодку со дна морского и шесть человеческих жизней были бы спасены. Германское правительство, — утверждает Грифин, — в свое время строило все свои подводные лодки с такими кольцами, и благодаря этому в 1911 г. одна потонувшая лодка была быстро поднята.

Единственная американская подводная лодка, которая была снабжена такими кольцами, это лодка «Плонджер». Ведь на этой лодке президент Рузвельт совершил свою первую подводную прогулку. Но что было необходимым для Рузвельта, то показалось излишним при постройке других подводных лодок, на которых должны были плавать простые смертные.

Международный
беспроводочный
.. призыв „SOS“ - горя-
щего судна при-
мается радио -антенной
другого; таким путем уста-
навливается место ката-
строфы. Радист по телефону
передает полученное им сооб-
щение на командный мостик.

ПОЖАР НА МОРЕ

Очерк Г. ДОМИНИКА

Пробило три склянки. В густой темноте ноябрьской ночи по волнам Атлантики несется громадный пароход, держа курс на запад. В радио-будке телеграфист дремлет. В этот час работа на судне затихает.

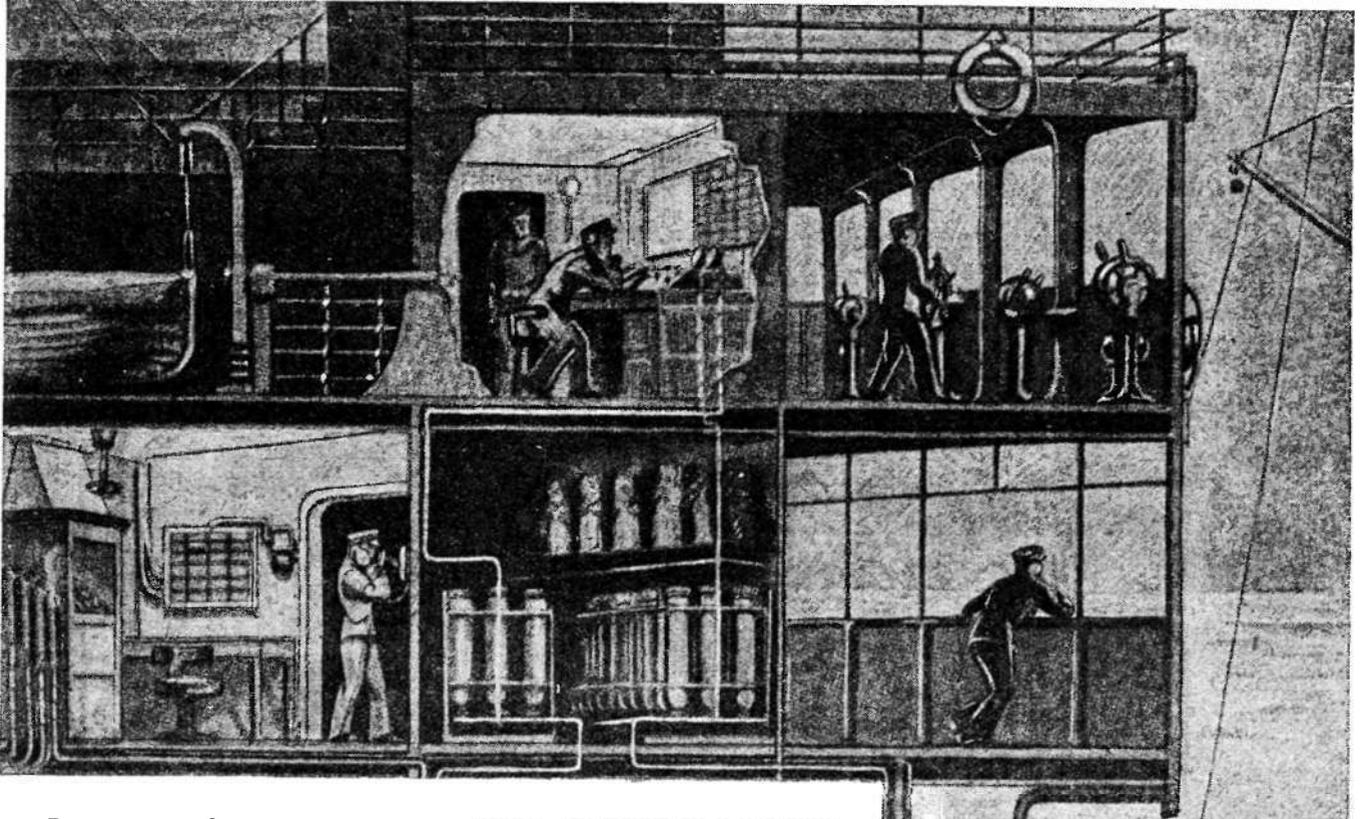
Но вдруг... Он испуганно встрепенулся. Тик, тик, тик, тэ, эт, тэ... тик, тик, тэ, тэ, тэ... Ритмично прозвучал ударяющий по нервам интернациональный сигнал о помощи: SOS — Save Our Souls (Спасите наши души) — как читают англичане. Только в минуту крайней опасности разрешается прибегать к этому сигналу.

Весь сон моментально слетает с радиста. Он напряженно вперяет глаза в текущую из аппарата ленточку. Точки тянутся, он ловит значки глазами и читает: «Спасите, спасите. Пароход «Волтурно» в огне! 32,15 градусов северной широты, 43,36 гр. западной долготы. Спасите, спа...».

Неожиданно слова обрываются. Неужели огонь уже захватил радио-будку и аппараты? Телеграфист шлет извещение на мостик дежурного офицера. Будят капитана. Минут пять спустя судно резко меняет курс и полным ходом направляется к месту катастрофы. И не только оно одно... Призыв о помощи приняли еще девять других и все спешат спасти обезумевших от ужаса людей...

Часы бегут.

«Огонь впереди на бакборте!» — сообщают с наблюдательного поста на мачте. Вскоре видно уже и с мостика. Багровый горизонт. Постепенно на крайней полоске всплывает огненная точка. Можно различить дрожание накаленного вокруг нее воздуха. Клубок пламени. Из густого облака дыма оно остро и высоко бьет к небу. Вся передняя часть судна — сплошное море огня. Пассажиры и матросы тесной кучей сбились на корме. Спасательными лодками воспользоваться не успели. Они — добыча огня.

Вой сирен... Отовсюду подходят суда. Помощь! Спускаются лодки, матросы вылавливают из воды прыгнувших с горящего судна людей; другие снимают с кормы отступающих шаг за шагом перед морем пламени. Вскоре все в безопасности. Неожиданно взрывается громадный столб пламени. Последний мощный взрыв разносит всю палубу, разламывает судно на части. Дымься и шипя, погружаются обломки в бездну. Восходящее солнце встречает прежнюю тишину и пустынность. От всей катастрофы—ничего!

По волнам эфира невидимо летят дельфины: «Волтурно» сторел и утонул среди моря. 521 человек пассажиров и экипажа спасены, 112 утонули». И те тоже спаслись бы, дожись они прибытия судов.

Пожар на борту! Даже и теперь, когда все пароходы почти сплошь из железа и снабжены множеством огнетушительных приспособлений, это все еще жуткие и страшные слова.

Но отчего же, однако, происходят такие катастрофы? Ведь железный корпус судна огнеупорен. Мореходные правила для всех пассажирских судов дальних рейсов постановляют: «Во всех жилых отделениях межпалубного пространства, в каждом кубрике, кладовой, коцегарке и машинном отделении обязательна проводка рукавов, могущих тотчас же направить на огонь две сильные струи воды». Каждое современное судно снабжается и особыми огнетушителями, которые сбивают пламя посредством пара и удушливых газов. Имеются также

ручные огнетушители и новейшие аппараты, автоматически извещающие о возникшем пожаре. И все же, все же случаются несчастия...

Объясняется это качеством различных грузов. Легко, например, воспламеняется хлопчатая бумага и вообще все волокнистые материалы. Но особенную опасность представляет собой уголь. Он долго тлеет, все больше накаляется и затем, вдруг, с угрожающей силой вспыхивает целым морем пламени. В таких случаях даже наиболее лучшие и мощные огнетушители обычно уже ничего поделать не могут.

Очень надежным и полезным средством оказались новые автоматически: противопожарные сигналы. О малейшем изменении температуры в тех помещениях, где они стоят, они тотчас же сигнализируют на мостик капитана и таким образом дают возможность прекратить пожар в самом начале. Кроме них, имеется еще целый ряд полезнейших изобре-

Новейшие противопожарные сигналы и огнетушительные аппараты. Появление дыма и жары в клавишных замечается по зажигающейся лампочке (наверху, в середине и рядом на лево). Сжатая углекислота, находящаяся в больших баллонах (большой рисунок наверху в середине) тотчас же гасит пламя.

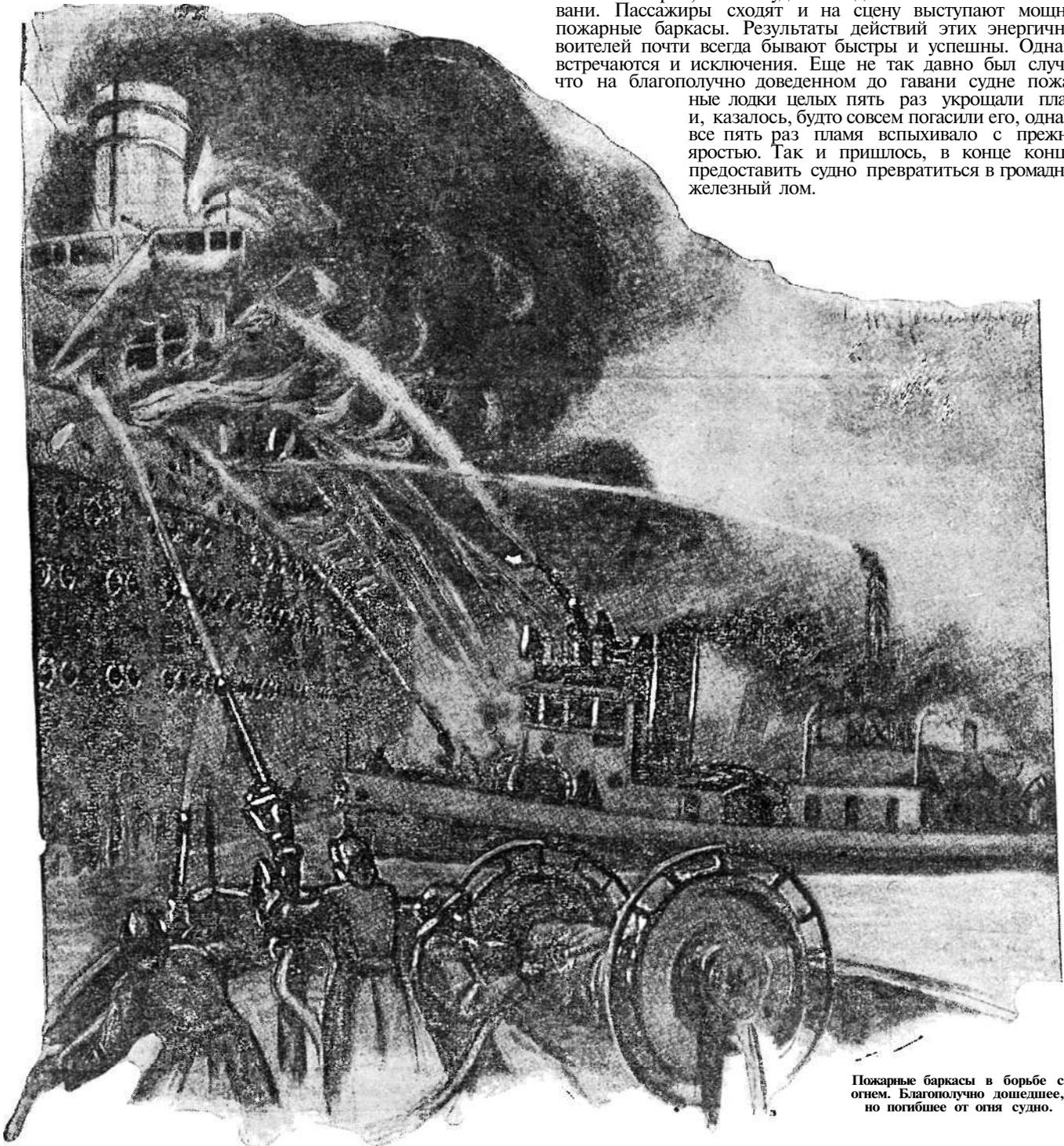
тений и если судно достаточно снабжено ими, то нередко возникшая опасность устраняется в самом начале.

Особенно часты пожары на моторных судах или на парходах с грузом, состоящим из керосина и горючего масла. Если начинает гореть этот груз, то всякая попытка гасить огонь водой — бесполезна. Вода, наоборот, увеличивает опасность, ибо горящее масло плавает по ней, растекается и пламя может перебраться еще дальше. В таких случаях радикальную помощь могут оказать одни только новейшие химические способы. Все горящее масло обдают особой густой пенистой жидкостью, состоящей из мыльной воды и невоспламеняющегося газа; эта жидкость своей пленкой прекращает к огню доступ кислорода и тем самым гасит пламя. Однако, этим способом химического тушения пользуются и при пожаре на судах с простым грузом: вода и здесь не всегда надежная помощь. Нередко только благодаря воде и происходят взрывы. Поэтому, химический способ Клэйтона и получил такое большое распространение. Едва только подан сигнал о пожаре в каком-либо из помещений, как вентиляторы начинают действовать. Они высасывают весь воздух из помещения

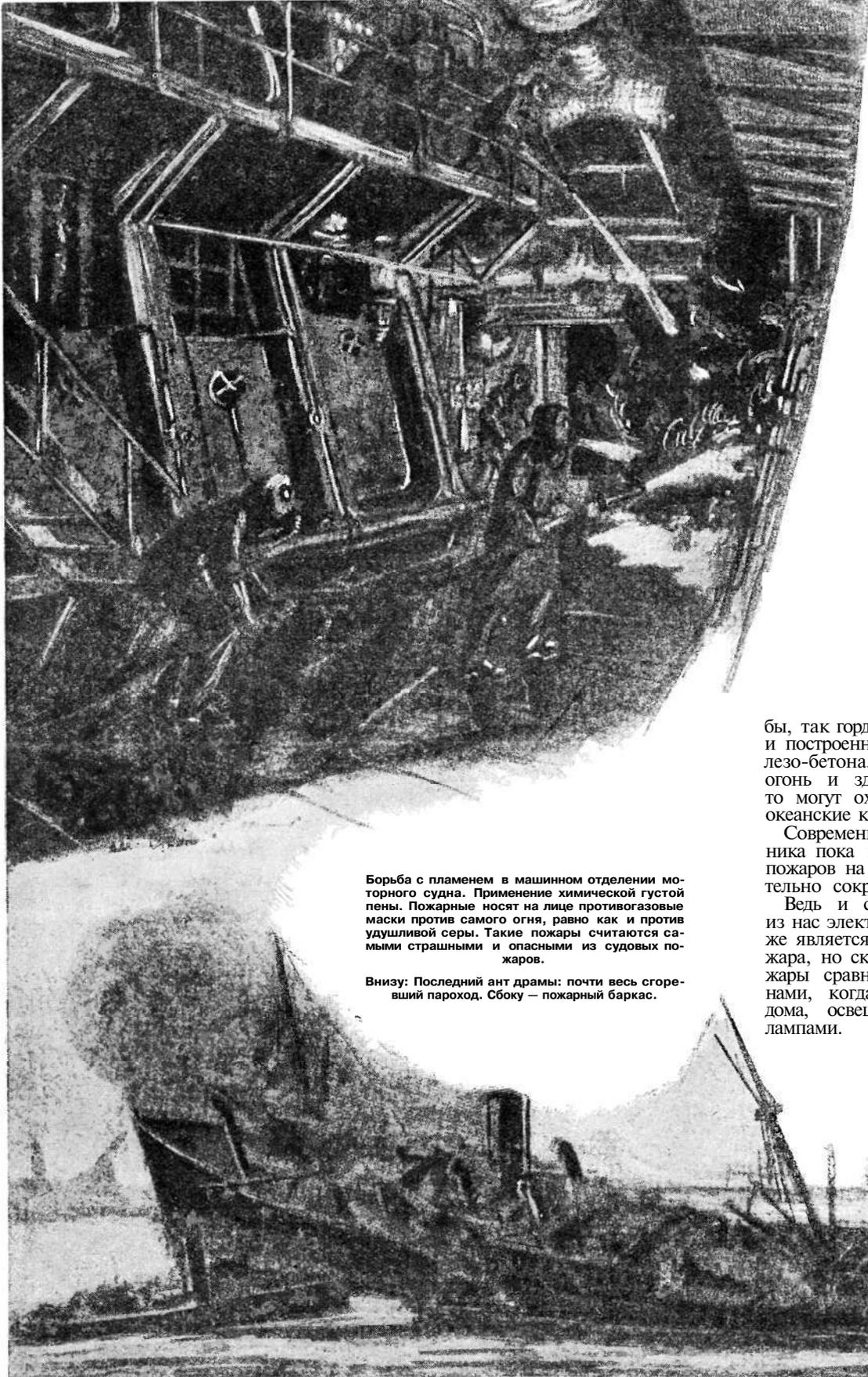
и сжимают его в камере с горячей серой. Кислород в соединении с серой дает серную окись, т.-е. всем знакомый вызывающий кашель газ, который получается от жженной серы. Эта смесь удушливого газа с горячей серой и направляется в охваченное огнем помещение, где огонь разом исчезает.

Надежные противопожарные сигналы и исправные огнетушительные аппараты лучше всего предохраняют судно от пожара. Но, помимо этого, современная техника стремится обезопасить от огня и самим устройством судна. Предписание закона требует, например, чтобы все двери с переборкой не только не пропускали воду, но были бы также обиты огнеупорным материалом. Такое устройство рассчитано, главным образом, на то, чтобы через всякие ходы и выходы огонь не распространялся дальше и не находил бы себе новой пищи.

В большинстве случаев с помощью всех перечисленных приспособлений удается прекратить возникающие на судах пожары. Но если огонь все-таки уже до такой степени силён, что его не унять даже с помощью химической пены, то при закрытых люках его удается задержать на такой срок, пока судно не достигнет ближайшей гавани. Пассажиры сходят и на сцену выступают мощные пожарные баркасы. Результаты действий этих энергичных воителей почти всегда бывают быстры и успешны. Однако, встречаются и исключения. Еще не так давно был случай, что на благополучно доведенном до гавани судне пожарные лодки целых пять раз укрощали пламя и, казалось, будто совсем погасили его, однако, все пять раз пламя вспыхивало с прежней яростью. Так и пришлось, в конце концов, предоставить судно превратиться в громадный железный лом.

Пожарные баркасы в борьбе с огнем. Благополучно дошедшее, но погибшее от огня судно.

Борьба с пламенем в машинном отделении моторного судна. Применение химической густой пены. Пожарные носят на лице противогаровые маски против самого огня, равно как и против удушливой серы. Такие пожары считаются самыми страшными и опасными из судовых пожаров.

Внизу: Последний акт драмы: почти весь сгоревший пароход. Сбоку — пожарный баркас.

«Пожар на корабле!» Даже и теперь, при железных судах, радио-телеграфах и лучших огнетушительных аппаратах, это все еще остается страшным возгласом. Но каково-то *было* в прежние времена? Пароход — эта затерявшаяся точка в бесконечном морском пространстве, без всякой надежды на помощь, случись какое-либо несчастье... Должно быть, часто приходилось людям только выбирать себе смерть — в воде или в огне...

«Пожар на борту!» Теперь этот крик слышится все реже и реже. Развивающаяся техника уничтожила не один источник опасности. Но все-таки возглас еще продолжает раздаваться, ибо вместе с открытиями новейшая техника несет с собой также и новые опасности.

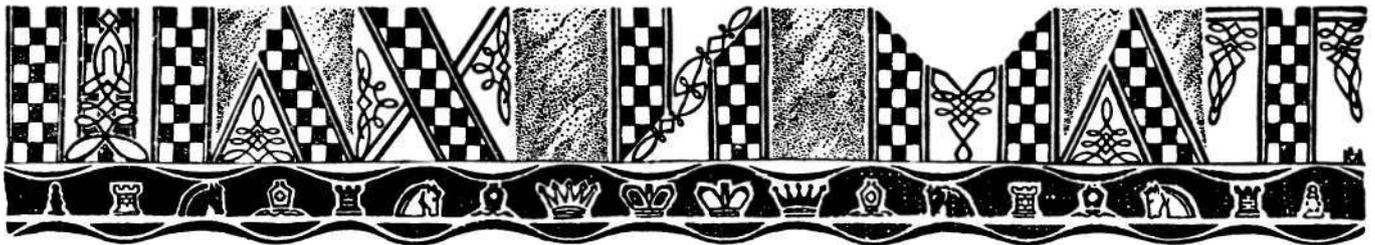
Это и неудивительно.

Разве не становятся жертвой все того же жадного пламени и могучие небоскребы,

так гордо поднимающиеся ввысь и построенные почти сплошь из железобетона. А раз горят они, раз огонь и здесь находит себе пищу, то могут охватываться пламенем и океанские корабли.

Современная противопожарная техника пока не избавляет сполна от пожаров на море, но она их значительно сокращает.

Ведь и столь знакомое каждому из нас электрическое освещение также является иногда виновником пожара, но сколь уменьшились эти пожары сравнительно с теми временами, когда строились деревянные дома, освещавшиеся керосиновыми лампами.

ШАХМАТНЫЙ ОТДЕЛ № 2.

Самый молодой в мире шахматный мастер.

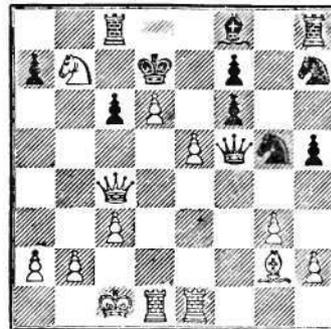

Это 17-летний ленинградский шахматист г. М. Ботвинник. Знание мастера он получил на последнем всесоюзном шахматном турнире в Москве. Как известно, для получения звания мастера, нужно получить на всесоюзном турнире не менее 50 % очков. Ботвинник не только получил необходимое количество очков, но в разделе 5-й и шестой приз с Макагоновым (последний, кстати сказать, также получил на этом турнире звание мастера). Кроме того, на этом турнире получили еще звание мастера молодые шахматисты Модель и Григорьев.

Блестящая жертва.

В одной партии, игранный д-ром С. Тартаковским в Вене, не глядя на доску, получилось следующее положение (см. диаграмму):

Черные: Локвенц.

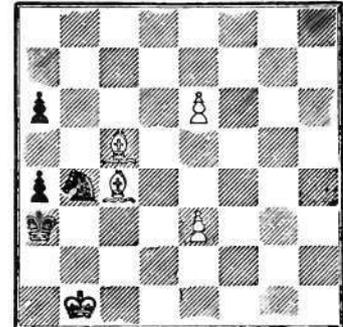

Б лые: д-р Тартаковск.

Во время игры Тартаковск пожертвовал уже своему незадачливому противнику одну легкую фигуру. Теперь гроссмейстер жертвует еще и ферзя и этим вынуждает мат в 8 ходов. Вот эти 8 ходов: 1. Ф с4 : f7!, К g5 : f7, 2. e5 - e6+, Ф f5 : e6 (вынужденно, так как на 2... Кр d7 - e8 последовало бы 3. d6 - d7+, Кр e8 - e7, 4. d7 : с8 К+!, Кр e7 - e8, 5. С g2 : с6×), 3. К b7 - с5+, Кр d7 - d8 (на 3... Кр d7 - e8 последовало бы 4. d6 - d7+, Кр e8 - d8, 5. К с5 : e6+, Кр d8 - e7, 6. d7 : с8 К+, Кр e7 - e8; С g2 : с6×), 4. К с5 : e6+, Кр d8 - d7, 5. К e6 - с5+, Кр d7 - d8, 6. К с5 - b7+, Кр d8 - d7, 7. С g2 - h3+, f6 - f5, 8. С h3 - f5×.

Задача Aft 2.

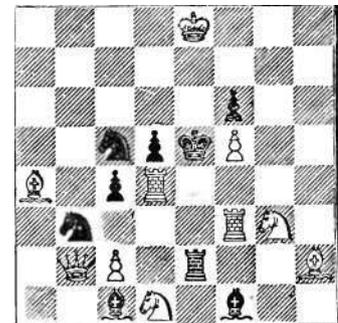
М. Вейса.

Мат в 5 ходов.

Задача М 3.

А. Бриля.

Мат в 2 хода.

Фамилии товарищей, приславших правильные решения, будут опубликованы.

Партия № 2.

Испанская.

Д-р З. Ласкер — Боголюбов.

Игрена живыми фигурами в Эссене

1. e2—e4, e7—e5, 2. К g1—f3, К b8—с6, 3. С f1—b5, a7—a6, 4. С b5—a4, К g8—f6, 5. 0—0, С f8—e7, 6. Л f1—e1, b7—b5, 7. С a4—b3, d7—d6, 8. с2—с3, 0—0, 9. h2—h3, К с6—a5, 10. С b3—c2, с7—с5, 11. d2—d4, Ф d8—c7, 12. К b1—d2, К a5—с6, 13. a2—a4, с5 : d4, 14. с3 : d4, К с6—b4, 15. С с2—b3, С с8—d7, 16. К d2—f1, Л a3—c8, 17. С f1—g5, h7—h6, 18. С g5—h4, Л f8—d8, 19. a4 : b5, С d7 : b5, 20. Л e1—e3, Ф с7—b6, 21. К f1—g3, g7—g6, 22. К g3—e2, К b4—c6, 23. d4—d5, К с6—a5, 24. К e2—c3, Ка5—c4, 25. С b3 : c4, Л с8 : c4, 26. Ф d1—b3, Л d8—c8, 27. К f3—h2, Кр g8—g7, 28. К h2—f1, С e7—d8, 29. К f1—d2, Л с4—c7, 30. К с3 : b5, a6 : b5, 31. С h4 : f6+, С d8 : f6, 32. Л e3—c3, С f6—h4, 33. Л a1—f1, С h4—g5, 34. К d2—f3, С g5—f4, 35. Кр g1—h1, Л с7 : c3, 36. b2 : c3, Ф b6—c7, 37. g2—g3, С f4—g5, 38. Кр h1—g2, С g5—d8, 39. Л f1—b1, С d8 : b6, 40. Л b1—f2, Ф с4 : c3, 41. Ф b3 : b5, С с6—a7, 42. Ф b5—e2, Ф с3—c4, 43. Ф e2 : c4, Л с8 : c4, 44. К f3—e2,

Л с4—a4, 45. Л b2—c2, С a7—c5, 46. К d2—c4, (угрожая 47. К с4 : e5, d6 : e5, 48. Л с2 : с5, Л a4 : e4 и у белых проходная пешка) f7—f6, 47. h3—h4, h6—h5, 48. Кр g2—f3, Л a4—b4, 49. К с4—e3, Л b4—b3, 50. Л e2—a2, f6—f5, (Если бы черные сняли слона коня на e3, белые, снявши слона пешкой f2, сыграли бы потом Л a2—a7+ и Л a7—d7, и у черных получилось бы несколько стесненное положение) 51. Л a2—a3, f6—e5+, 52. Кр f3 : e4, Л b3—b2, 53. К e4—f3, Л b2—d2, 54. Л a8—a5, Кр g7—f6, 55. Л a5—b5, e5—e4+, 56. Кр f3 : e4, Л d2 : f2, 57. Л b5—e8, Л f2—e2, 58. Л b8—f8+, Кр f6—b7, 59. Л f8—f3, Л e2—d2, 60. Кр e4—f4, Кр e7—f7, 61. g3—g4, h5 : g4, 62. К e3—g4+, К f6—g7, 63. Л f3—b3, Л d2—d4, 64. Кр f4—g3, Л d4 : d5, 65. Л b2—b7+, Кр g7—f8, (На 65... Кр h8 последовало бы 66. К g4—f6 с угрозой Л b7—h7×), 66. К g4—f6, Л d5—f5, 67. К f6—h7+, Кр f8—g8, 68. К h7—g5, С с5—f2+, 69. Кр g3—g4, Л f5—e5, 70. Л b7—b8+.

Решения задачи и этюда № 1 и фамилии лиц, приславших правильное решение, будут помещены в следующем номере «Шах и Мат».

Шахматная жизнь.

Харьков. 25 и 26 декабря происходил массовый турнир рабочей молодежи, который привлек 160 участников и прошел весьма оживленно. Двенадцать победителей в полуфинале образовали финальную группу, турнир которой происходит в настоящее время.

Иркутск. Организуется общестуденческий шахматный турнир, который будет проведен окружным бюро пролетарского студенчества.

Новгород. В конце января по Новгороду и всем районам Новгородского округа будут проведены шахматные турниры молодежи.

— При окружной шахматно-шашечной секции организован базовой кружок, ставящий себе задачей объединение всех шахматно-шашечных сил города.

Кременчуг. Состоялся матч между здешней сборной шах.-шаш. командой и командой Полтавы. По шахматам выиграла Полтава со счетом +9 5, по шашкам — Кременчуг (+17—13).

Тагил. В феврале здесь состоится шахматно-шашечные соревнования между командами Тагила, Свердловка д Перми,

В 1928 г.

Вокруг Света

В 1928 г.

ДАЕТ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ПЛАТНЫМ ПРИЛОЖЕНИЕМ
ЛУЧШИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТРЕХ МИРОВЫХ АВТОРОВ:

А. КОНАН-ДОЙЛЯ

Д. КЭРВУДА

Г. УЭЛЛСА

● ДАЕТ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ! ●

● ДАЕТ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ! ●

А. КОНАН-ДОЙЛЬ — увлекательный рассказчик разнообразных приключений известного Шерлока Холмса, общепризнанный мастер исторического романа, занимательный автор научно-фантастических произведений. Читатели нашего журнала получают лучшие, наиболее талантливые и увлекательные произведения этого автора: Рассказы о Шерлоке Холмсе, исторические повествования о французских гугенотах и бегстве их в Америку, о временах английской революции, научную фантастику о доисторической поре жизни или о том, как земля попала в ядовитый хвост кометы.

8 книг: Приключения Шерлока Холмса. — Новые приключения Шерлока Холмса. — Воспоминания о Шерлоке Холмсе. — Баскервильская собака. — Изгнанники. — Потерянный мир. — В адовитом хвосте. 1700 страниц иллюстрированного текста. Подписная цена 3 р.

Д. КЭРВУД — современный американский писатель, убежавший еще школьником в Канаду, чтобы сделаться траппером. Вернувшись к городской жизни, он поделился своими наблюдениями над пленившей его жизнью Севера и стал знаменитым автором приключенческих романов и прекрасным рассказчиком о жизни природы и животных. Если самые необычайные приключенческие романы усваиваются читателем, как подлинные происшествия, то в своих полных движения и красок рассказах о животных автор обнаруживает изумительное проникновение в переживания четвероногих обитателей снежных пустынь. У Кэрвуда не только люди, но и звери живут полной и напряженной жизнью, победа следует за поражением, радость за страданием.

8 книг: У истоков реки. — Долина молчания. — Пылающий лес. — Мужество капитана Плюма. — Бродяги севера. — Старая дорога. — Золотая пегля. 1500 страниц иллюстрир. текста. Подписная цена 2 р. 50 к.

Г. УЭЛЛС — известный автор научно-фантастических романов, в которых он с непревзойденным мастерством касается самых разнообразных тем нашей жизни. Он заставляет читателя вместе с собой путешествовать на особой машине в глубь веков и заглядывать в отдаленное будущее; он так изображает нападение жителей Марса на нашу землю, что каждый переживает эту фантастику, как реальное происшествие; он изобретает особый состав пищи, который удешевляет размеры каждого живого существа; он описывает первых людей на луне и их необычайные встречи с селенитами; он соединяет тело животного с мозгом человека и создает разнообразных человеко-зверей. Широкая фантазия Г. Уэллса настолько тесно спаяна с наукой, так ею оправдывается и объясняется, что невольно заставляет читателя верить в действительность самого необычайного происшествия или изобретения.

8 книг: Первые люди на луне. — Борьба миров. — Остров д-ра Моро. — Когда спящий проснется. — Пища богов. — Невидимка. — Страна слепых. — Машина времени. 1500 страниц иллюстрированного текста. Подписная цена 2 р. 50 к.

Каждый подписчик „ВОКРУГ СВЕТА“ может подписаться на любое собрание сочинений указанных трех авторов. Подписавшиеся на всех трех авторов — уплачивают за них семь рублей со следующей рассрочкой: при подписке — 3 р., к 1 апреля — 2 р. и 1 июля — 2 р. Все три автора будут выходить в свет с февраля 1928 г. ежемесячно по одной книжке каждого автора. Заказы и деньги направлять непосредственно в издательство: Ленинград 2, Фонтанка, 57, „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.